

ИСТОРИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2020 | № 5–6 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:
Далибор Денда, Юрий Пуцаев, Кирилл Шевченко
Ответственный редактор: Модест Колеров

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 5–6 (17–18).
М. : Модест Колеров, 2020. (www.ostkraft.ru.) 240 с.
ISBN 978-5-905040-63-4

ISBN 978-5-905040-63-4

© Авторы статей, 2020
© Модест Колеров, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Тесля</i> . На пути к своему жанру: заметки об эволюции «Писем из Франции и Италии» А. И. Герцена	5
<i>Андрей Тесля</i> . «Замечательное десятилетие. 1838–1848»: заметки о концептуальных аспектах мемуарного текста П. В. Анненкова	13
<i>В. Н. Коробейников</i> . Общественно-политические взгляды Н. Ф. Бунакова — гимназического учителя Г. В. Плеханова	28
<i>В. А. Болтрукевич</i> . Полуброненосные фрегаты российского императорского флота как инновация в военно-морском деле второй половины XIX века (по свидетельствам современников)	74
<i>О. А. Шишкин</i> . Судьба «дела об убийстве Распутина»: Новые документы, имеющие отношение к раскрытию преступления в Юсуповском дворце	84
<i>И. С. Ратьковский</i> . Уссурийский атаман И. П. Калмыков	98
<i>Г. Е. Аляев</i> . Извилистые линии жизни в топологическом пространстве истории (материалы к биографиям Михаила Людвиговича Франка и Семёна Людвиговича Франка)	115

- М. М. Герizon. Фильмы (немые), созданные на частных киностудиях в первые годы Советской власти и не размещенные в интернете 171
- Андрей Тесля. Дневник красного профессора. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. ст. А. Л. Литвина. Казань : Казанский государственный университет, 2009. 516 с. 175
- А. В. Мартынов. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. и подг. текста П. М. Полян. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 824 с., ил. 186
- Л. Кацис. К выходу в свет книги: П. Успенский, В. Файнберг. К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М., 2020 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. ССVI). 360 с.: Заметки читателя историко-философской и мандельштамоведческой литературы. XIX. Критика интертекстуального мандельштамоведения (с большими подтекстами и тонкой фразеологией) 191
- Л. Кацис. К проблеме перечтения книги: П. Успенский, В. Файнберг. К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М., 2020. Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. ССVI. 360 с. — на фоне работ Б. А. и Ф. Б. Успенских. Заметки читателя историко-философской и историко-«косоведческой» литературы. XX. 218

В. Н. Коробейников

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Ф. БУНАКОВА — ГИМНАЗИЧЕСКОГО УЧИТЕЛЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

В исторической литературе о Николае Федоровиче Бунакове освещалась, по преимуществу, его педагогическая деятельность. Развитие общественно-политических взглядов, его публицистическая и писательская деятельность почти не исследованы. Тем не менее, представляет интерес связь демократических установок Бунакова, сформировавшихся в 1850-х — начале 1860-х гг., с его учебно-воспитательной практикой в Воронежской военной гимназии в 1866–1873 гг., когда там учился Г. В. Плеханов. Вспоминая своего учителя русского языка и словесности, он говорил: «Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто». Кроме этого утилитарного результата учительства Бунакова, за ним заслуга привития у Плеханова революционно-демократических идеалов¹.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ БУНАКОВА ДО ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В ВОРОНЕЖСКУЮ ВОЕННУЮ ГИМНАЗИЮ²

Николай Федорович Бунаков (26.11(8.12).1837 — 8(21).11.1904) родился в Вологде. Отец его Федор Николаевич служил прави-

¹ Александров И. Один из первых учителей Плеханова // Группа «Освобождение труда». Сборник № 5. М.; Л., 1926. С. 37–41.

² Хронология жизни и формирования взглядов Бунакова прослеживается с использованием его воспоминаний «Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905». СПб., 1909. Ссылки на эту книгу приводятся по тексту в круглых скобках.

телем канцелярии вологодского военного губернатора. Мать — Прасковья Петровна, урожденная Матвеева, вышла замуж за Ф. Н. Бунакова после смерти первого мужа — вологодского помещика Березкина.

Учеба и воспитание Н. Ф. Бунакова прошли в николаевское время. В ранней юности, во время Крымской войны, он был свидетелем «высоко-патриотического одушевления и гордой уверенности» провинциального дворянства, «что скоро доблестное русское воинство «закидает врагов шапками». Балы и любительские спектакли в пользу «русского победоносного воинства» сменялись тогда в Вологде один за другим (23). Дворянство Грязовецкого и Кадниковского уездов в 1854 г. предложило финансовую помощь русской армии. На военные нужды собрано было 30 тысяч рублей (по 30 копеек с ревизской души), за что император повелел объявить вологодскому дворянству высочайшую благодарность³. Общество верило в военное могущество России и неизбежность ее победы над врагами. Чувства патриотизма испытал и Николай Бунаков. Увлекавшийся, как и другие гимназисты, стихотворчеством, он написал стихотворение «Самодержавие» и прочел его 20 декабря 1853 г. на торжественном акте в стенах гимназии⁴. Оно начиналось строфой:

«Счастлив народ, спасительно хранимый
Самодержавия могучею рукой;
Он царственный покой блюдет непорушимо;
Он движим волею властителя одной...»⁵.

Изменение и развитие взглядов Бунакова после окончания гимназии происходило под воздействием неудачного для России исхода Крымской войны, остро воспринимавшегося обществом. Историк С. М. Соловьев писал в своих записках: «... когда Россия стала терпеть непривычный позор военных неудач, когда вра-

---

³ Савицкий И. П. Собрания вологодских дворян в середине XIX — начале XX века // Вологда. Краеведческий альманах. Выпуск 3; Государственный Архив Вологодской Области (ГАВО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 50/809. Л. 67–68.

⁴ Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. Губернские известия. 1853 г. № 52. Чтение стихотворения Бунаковым организовано было торжественно: вслед «за ним хор провозгласил — “Отцу небес благодаренье”».

⁵ Бунаков Н. Самодержавие // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1854 г. № 19. С. 215–217.

ги явились под Севастополем, мы находились в тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России; с другой, мы были убеждены, что только бедствие и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение...; мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные, приводили бы нас в трепет»⁶. У «новых людей» смерть Николая Первого 18 февраля 1855 г. вызвала чувство облегчения; они испытали, писал Н. В. Шелгунов, «ликующий восторг...», точно небо открылось над ними, точно у каждого свалился с груди пудовый камень, куда-то потянулись вверх,вширь, захотелось летать»⁷. В вологодской провинции те, кто прежде был уверен в победе, испытывали разочарование и горечь от поражений, осуждали бездарных военачальников и пороки окружающей жизни. Появились листки герценовского «Колокола», распространителями которых стали ветераны обороны Севастополя, «рассылаемые по России городничими и командирами инвалидов команд». «Эти либералы с тяжкими ранами, на костылях, с увечьями и естественным озлоблением в душах, — писал Бунаков, — без церемоний громили русские порядки, рассказывали настоящие ужасы про бедствия русских войск, про невежество военачальников, про воровство и продажность чиновников», возбуждая тревожные настроения в обществе (36). Хотя правительство сохраняло в своих руках полноту власти, но авторитета над умами подданных после катастрофы Крымского поражения еще не имело. Бунаков подцензурно писал: «Сила обстоятельств требовала упразднения крепостного права, гласного суда и земского самоуправления. Эта сила обстоятельств будоражила молодежь, общество, гнула в три погибели крепостников, бюрократов и правительство» (36). Этим обстоятельством был главный вопрос русской жизни — крестьянский. Новый царь, осознавая возрастающую опасность бунта снизу, был вынужден признать необходимость отмены крепостного права⁸. Александр Второй 30 марта 1856 г.

⁶ Соловьев С. М. Записки. Петроград, Б. г. С. 150. См. также: Вестник Европы. 1907. Т. 3. Кн. 6. С. 463.

⁷ Отрывок из воспоминаний Н. В. Шелгунова (первоначальный набросок) // Шелгунов Н. В. Воспоминания. Москва; Петроград, 1923. С. 26.

⁸ Количество крестьянских выступлений против помещиков прогрессивно увеличивалось. Крепостные отказывались нести повинности и платить подати; самовольно запахивали помещичьи земли, рубили помещичий и казенный лес.

в речи перед московскими, губернским и уездными, предводителями дворянства заявил, что слухи о его желании «дать свободу крестьянам» — несправедливы, но гораздо лучше, «чтобы это произошло свыше, нежели снизу...»⁹. Это время в русской жизни названо было Ф. И. Тютчевым «оттепелью». Тогда, по словам Бунакова, «новое перепутывалось со старым» (36). Быстрое распространение и успех изданий Герцена сочетались с «лакейскими адресами, подносимыми с затаенным “зубовным скрежетом”» (37). Это было время начала складывания мировоззрения Бунакова как демократа и гуманиста, поиска им своего места в окружающей жизни.

В 1854 г., после 9 лет учёбы, он окончил вологодскую гимназию. Учителя Н. П. Титов и Н. П. Левитский научили его «любить родной язык, стремиться понимать его и владеть им»¹⁰. Преподаватель словесности Николай Петрович Левитский, «знаток и поклонник Пушкина, Гоголя и Белинского», содействовал развитию у своего ученика «любви к чтению и литературных наклонностей, умению владеть языком и критически относиться к своему изложению» (15). Провинциальные училища и гимназии в николаевское время не ограничивались министерством народного просвещения в получении цензурированной литературы и журналов. В библиотеке вологодской гимназии, которой распоряжался Левитский, были книги не только русских авторов, но и переводы Диккенса, Гёте, Байрона, Шекспира. Ученики читали критические статьи Белинского в «Отечественных Записках» и в «Современнике», «Обыкновенную историю» Гончарова, «Бедных людей» Достоевского, рассказы И. С. Тургенева, Григоровича, Писемского, Л. Н. Толстого, статьи Кавелина, Грановского и даже публицистику Герцена. «Начитавшись Белинского», Бунаков сделался, по его словам, «одним из первых гимназических сочинителей» (17). В декабре 1852 г. на торжественном акте в гимназии он читал написанное им сочинение об элегии Батюшкова «Умиравший Тасс»¹¹. Из его гимназических работ в «Неофициальной части Вологодских губернских ведомостей» в 1854 г. опубликовано было сочинение «О народных исторических песнях периода та-

⁹ Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 393.

¹⁰ *Латышев В.* Бунаков Николай Федорович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых под ред. С. Венгерова. Т. 5. СПб, 1897.

¹¹ Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. Губернские известия. 1852 г. № 52. С. 592.

тарщины»¹² (17). За эту публикацию цензор губернских ведомостей Ельницкий (учитель гимназии) получил выговор начальства от того, что «в сочинении все говорится о народе и не упоминается о царе» (18). Гимназию Бунаков окончил, по его словам, обладая «искусством владеть языком в прозе и в стихах», и с «горячим стремлением к литературным занятиям» (20). 17-летнему воспитаннику, выделявшемуся успехами в гуманитарных предметах, предложили стать учителем русского языка и словесности в училище одного из уездов. Директор гимназии Власов, исполнявший обязанности директора училищ Вологодской губернии, писал попечителю Петербургского учебного округа: «Г. Бунаков во время гимназического курса отличался своей любовью к словесности, много писал сочинений..., от него можно ожидать весьма хорошего преподавателя по этому предмету. При даче экзамена на звание учителя русского языка в уездном училище его устные ответы по русскому языку были признаны отличными, письменные — весьма удовлетворительными. Пробную лекцию на тему: “Объяснение начал, на которых основано разделение слов на части речи” (имелось в виду объяснить это самым простым, удобопонятным языком, предполагая слабое развитие учеников уездного училища) г. Бунаков прочел ясно, последовательно и подробно»¹³. Он был определен на должность учителя русского языка и словесности в училище города Тотьмы, в 200-х верстах от Вологды, куда выехал в ноябре 1854 г. (27). Там, как и в губернской гимназии, была хорошая библиотека, в которой, когда наступило оживление в журналистике, Бунаков читал литературно-политические журналы: «Современник», «Русский вестник», «Русскую беседу». В библиотеке училища он нашел магистерскую диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», чтение которой, как он писал, зародило в нем «много дум» (32). К учительству в Тотьме, по собственному признанию, он относился без увлечения. Больше склонности обнаружилось у него «к занятиям политической экономией, этнографией и статистикой». Здесь он встретился со своим гимназическим товари-

---

¹² Бунаков Н. О русских исторических песнях ига монгольского // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. Смесь. 1854. №№ 38, 39. С. 405–409; 415–419.

¹³ Гольдина А. М. Учитель учителей // Вологодский край. Вып. 1. Вологда, 1959; <https://www.booksite.ru/lichnostry/index.pxp?action=getwork&id=218&pid=165&sub=workabout>.

щем Ю. С. Лыткиным¹⁴, когда тот, плывя на крытой лодке по реке Сухоне в себе на родину в Усть-Сысольск, остановился на несколько часов в Тотме. Лыткин с 1854 г. учился в Петербургском университете и был увлечен изучением этнографии и истории родных ему зырян, а теперь возвращался на летние каникулы. После его рассказов «о Петербурге, об университете, о товарищах, о работах и планах» Бунаков остался «в самом возбужденном состоянии» (32, 35). Увлеченность Лыткина фольклором, историей и языком своего народа, по-видимому, повлияли на последующие занятия Бунакова по изучению истории Вологодской губернии и народа, ее населяющего. Изменилось и его отношение к обязанностям учителя. Он стал читать педагогические журналы и под их влиянием глубже вникать в свою работу, появилось стремление к усовершенствованию в педагогическом деле. В отчете тотемского училища за 1856 г. записано: «Особенного внимания заслуживает за способность преподавания учитель русского языка Бунаков»¹⁵.

В 1857 г. его перевели в уездный город Кадников в 40 верстах от Вологды (38). Там, кроме учительского дела, он «с удвоенным усердием принялся за книги и перо» (39), стал писать и публиковать свои работы в периодической печати, по большей части в «Вологодских губернских ведомостях». Благодаря близости к губернскому городу, что позволяло заниматься изучением архив-

---

¹⁴ Георгий (Юрий) Степанович Лыткин (1835–1907) был основоположником национально-научной школы изучения этнографии и истории народов Коми, первый коми-лингвист, историк и литератор, этнограф и фольклорист. Родился Лыткин 25 мая (6 июня) 1835 г. в уездном городе Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар) в семье купца 2 гильдии Степана Ивановича Лыткина. В 1848 г., окончив первым учеником уездное Усть-Сысольское училище, уехал учиться в вологодскую гимназию. В 1854 г. Лыткин поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Через год он перевелся на монголо-калмыцко-тюркское отделение. В 1859 г. закончил учебу и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Затем в течение двух лет для сбора материалов по калмыцкому фольклору, истории и древней литературе он находился в Калмыцких степях Астраханской и Ставропольской губерний. 1 августа 1865 г. его определили сверхштатным преподавателем географии в 6-ю петербургскую (Ларинскую) гимназию на Васильевском острове, где он прослужил около 40 лет // *Терюков А. И.* История этнографического изучения народа Коми. СПб., 2011. С. 296–297. С 1861 г. он «сильно увлекся» студенческим движением, «стал горячим поклонником Чернышевского» // *Пантелеев А. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 523.

¹⁵ *Гольдина А. М.* Учитель учителей: www.booksite.ru/lichnostry/index.pxp?action=getwork&id=218&pid=165&sub=workabout.

ных документов и других письменных материалов, он писал работы разной направленности: по истории, этнографии, народному эпосу, сельскому хозяйству и статистике Вологодской губернии. Под влиянием журналов тех лет Бунаков увлёкся идеей распространения просвещения в обществе и образования народа. В сентябре 1857 г. он опубликовал свой отклик на статью В. И. Ламанского¹⁶ «О распространении знаний в России»¹⁷. Сделав краткий обзор ее содержания, Бунаков поддержал предложение автора создать «Общество распространения знаний в России», заявив: «... полное благо государства и народа не ограничивается пределами материального благосостояния, но зависит также от умственного развития и образования, улучшающего хорошее, делающего менее дурным дурное...»¹⁸. Печатал он также статьи по народному образованию¹⁹, в которых проявилось осознание им значения для развития общества в целом просветительской службы учителя. В заметке об открытии казённым удельным головой Сорокиным на свои средства в селе Турундаево школы для крестьянских девочек Бунаков писал: «Сорокин обнаружил больше желания добра и готовности сделать его, больше светлости и современности во взгляде, нежели многие, считаемые, или, по крайней мере, считающие себя вполне образованными и прогрессивными людьми. Но если жалка и возмутительна эгоистическая отсталость в высшем обществе, то тем утешительнее благородный прогресс в низшем сословии. Чем не благовиднее первое явление, тем рельефнее, тем светоноснее выдается второе»²⁰. Радужные надежды на возможный прогресс в росте образованности городских жителей высказывал Бунаков в заметке «По поводу нового устава

---

¹⁶ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — русский историк, славист, создатель школы в славяноведении, проводившей идеи славянофильства и панславизма. Из дворян. В 1854 г. окончил Петербургский университет. Профессор этого университета с 1871 г. В 1859 г. защитил магистерскую, в 1871 г. — докторскую диссертации. С 1900 г. — академик Петербургской академии наук.

¹⁷ Современник. 1857. Книга 5.

¹⁸ Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. № 38. 21 сентября 1857 г. С. 265–270. Статья написана 25 июня 1857 г. и подписана «Николай Б».

¹⁹ *Седых К. Я. и др.* Николай Федорович Бунаков. Биобиблиографическое пособие. Воронеж, 2004. С. 9–10; *Соловьева В. Д.* Краткий библиографический указатель работ Н. Ф. Бунакова. Педагогические и литературные работы // Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова. М., 1960. С. 176.

²⁰ *Н. Б-н-к-ва.* Сорокинская школа в селе Турундаево // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 7. С. 54–55.

народных училищ»²¹. Основанием для этого он считал введение Попечительских советов при высших четырехклассных училищах для детей «торгово-промышленного городского сословия». Бунаков полагал, что представители этого сословия, входившие в Совет, наблюдая за учебным процессом, сами станут вовлекаться в получение знаний, необходимых им для «прогрессивного» ведения своих дел. По его мнению, Попечительские советы смогут иметь «широкое социальное значение, если им дано будет правильное направление»: «Уровень умственного развития массы, без всякого сомнения, быстро поднимется; учење сделается насущною нуждою и заботы о нем получают такое же значение, как заботы о материальных выгодах... С расширением умственного кругозора жителей возвысится и материальное благосостояние их. Основанное, согласное с потребностями, образование — шаг к процветанию городов, до сих пор бедствующих в застое. Вот что значит сблизить народные училища с народом, которому они должны служить, сделать их популярными, общедоступными, вывести от замкнутого, неподвижного, глухого прозябания к жизни широкой, открытой, движущейся»²². Исследования сельского хозяйства Вологодской губернии, охватывающие географические, климатические, этнографические и земельные вопросы, публиковались Бунаковым в 1858 г.²³ и в начале 1859 года²⁴. Рассматривалось им и развитие землевладения в губернии — такое его направление, как фермерство и аренда (наем) земли²⁵.

К концу 1857 г. вопрос об освобождении крестьян перешел в практическую плоскость: императором были изданы рескрипты Виленскому и затем Петербургскому генерал-губернаторам о создании губернских дворянских комитетов²⁶. В течение 1858 г. та-

---

²¹ Бунаков Н. По поводу нового устава народных училищ // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 23. С. 171.

²² Там же. С. 172, 173.

²³ Бунаков Н. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1858. № 5–29.

²⁴ Бунаков Н. Движение народонаселения в Вологодской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1859. № 1.

²⁵ Бунаков Н. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1858. № 26. С. 229–231.

²⁶ 20 ноября 1857 г. был опубликован рескрипт Виленскому генерал-губернатору Назимову, а 6 декабря — Петербургскому генерал-губернатору графу Игнатьеву. Оба распоряжения предусматривали создание в трех западных и в Петер-

кие комитеты открылись по всей России. Процесс обсуждения реформы затронул и Вологодскую губернию. В Кадникове, в отличие от Тотьмы, которую населяли, по преимуществу, мещане и чиновники, жили помещики и действовало уездное дворянское собрание²⁷. Готовившаяся отмена крепостного права волновала местное благородное общество, состоявшее из душевладельцев. Бунаков, по всей вероятности, был сторонником безусловного освобождения крестьян и решения земельного вопроса в их пользу, о чем велась проповедь в «Русской беседе». По этой причине в Кадникове он попал «в недружелюбные отношения ко многим местным лицам» (41). Не смотря на литературные занятия, увлекавшие его, тоска охватывала Николая Федоровича от жизни, по его словам, «в этом полудиком обществе». Хандра и унылое настроение отразились в одном из его стихов:

«... Слава Богу, день прошел,
День прошел — и к смерти ближе, —
Он был скучен и тяжел...
Сон, иль смерть, скорей, сойди же!...» (42).

Спасением для его душевного равновесия стал перевод весной 1859 г. учителем русского языка в уездное училище в Вологде (42), благодаря директору училищ Вологодской губернии А. В. Латышеву, посетившему в 1858 г. в Кадникове уездное училище и обратившего внимание на талантливого молодого учителя²⁸. В это время готовились реформы в области образования и педагогики, в подготовку которых втянулись и вологодские учителя. Бунаков в Вологде, по собственному признанию, «с большим увлечением, более толково и правильно, стал вести свое учительское дело» и почувствовал «способность к учительству».

бургской губернии дворянских комитетов для составления проектов положения «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», но подчеркивалась необходимость сохранения существующего «хозяйственного устройства помещичьих крестьян» (Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 11).

²⁷ В пореформенный период в Вологодской губернии уездные дворянские собрания существовали в трех юго-западных уездах — Вологодском, Грязовецком и Кадниковском. Только на этих территориях проживало достаточное количество потомственных дворян для создания дворянских собраний.

²⁸ Гольдина А. М. Учитель учителей: <https://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?acton=getwork&id=218&pid=165&sub=workabout>.

В своей службе он увидел осуществление собственных представлений о назначении учителя для прогресса российского общества. Через несколько лет он писал, что тогда, в начале 1859 г., под влиянием чтения «Русского вестника» и «Русской беседы», им владело желание бороться «с отсталостью и неразвитостью общества и общественными недугами»²⁹: «Самодурство губернское, надо тебя потрясти, надо тебе напомнить о значении человеческого достоинства, авось либо ты и дашь дух перевести беднякам, труженикам, над которыми ты надругалось столько тысяч раз!», — думал учитель³⁰. Среди местного общества он был в числе тех идеалистов, которые восторженно верили в осуществимость самых благих надежд: «В уравнивание сословий, и поднятие народного благосостояния; в распространение просвещения и в свободу печатного слова; в гласный суд и в земство, как венец всему, как некое подобие конституции» (43). Для этого, ему казалось, необходимо лишь изобличать зло, что он выразил в стихотворных строфах:

«Проснулись мы. Вперед, вперед!
Был темный век, но солнце встало,
Кругом сиянье разбросало, —
И утра наступил черед.
Лучом грядущего светила
Перед людьми озарены
Все бездны темной старины,
В которых семя правды гнило.
Проснулись мы. Пора пришла
Пройти за злом повсюду следом,
Изобличить его пред светом —
И с корнем вырвать плевела!» (43).

По прошествии многих лет Бунаков пришел к убеждению, что, вопреки ожиданиям, осуществилось немного и «в таком мизерном виде, с таким ограничением и урезками, что «игра не стоила свеч» (44).

В Вологде он готовил к печати «запас материалов», привезенных из Кадникова, занимался литературным творчеством, писал статьи по вопросам общественной жизни, волновавшим его.

---

²⁹ Русское Слово. 1864. № 6. С. 199.

³⁰ Там же. С. 202.

Писал он и рецензии на спектакли в вологодском театре (45)³¹. В 1859 г., занимавшийся собиранием, изучением и анализом статистических данных, Бунаков стал производителем работ в Вологодском губернском статистическом комитете³². В этом качестве им был составлен обзор Вологодской губернии³³. С особым интересом он продолжал изучать состояние земледелия в губернии³⁴, называя эту область своих занятий «любимым изучением»³⁵. Судя по содержанию этой и других работ, Бунакова волновали вопросы благосостояния народа и, прежде всего, крестьянства. Развитие сельского хозяйства связывалось им с «рациональностью хозяйства» в природных и климатических условиях губернии, как результата деятельности образованных владельцев, так как крестьянам «необходимо постороннее влияние... полное правильных и честных стремлений, движимое любовью к народу, богатое знанием». Такое благотворное влияние на крестьян, по мнению Бунакова, должны были оказывать владельцы населенных имений (помещики) и «лица, поставленные блюстителями народного блага: окружной начальник, удельный депутат, если они несут и могут нести свои обязанности с любовью и знанием, в которых должна теплится отеческая любовь к народу..., который, как дитя, не может быть без хорошей няньки». В недостатке таких деятелей он видел причину того, «почему крестьянское хозяйство у нас чуждо прогресса, коснеет в рутине и не обновлялось нисколько в продолжение, может быть, не одного века». Для развития сельского хозяйства, по его мнению, «решительным толчком явился крестьянский вопрос», который хотя еще и не решен, «но движение уже началось и мы можем без оговорок сказать, — писал Бунаков, — что теперь сельское хозяйство этого края накануне своего процветания»³⁶. Предстоящая отмена крепостного права должна была привести к появлению новых форм землепользования в дерев-

³¹ П. Вконабу. Заметки вологодского жителя // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1858. № 2; Бунаков Николай. Слова два-три о театре // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1859. № 2.

³² Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год. С. 9.

³³ Бунаков Н. Вологодская губерния в 1859 году // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 36, 37, 41–43, 50, 52.

³⁴ Северянин. Сельскохозяйственные очерки // Русский Дневник. 1859. № 133, 134, 135.

³⁵ Бунаков Н. Вологодская губерния в 1859 году. Земледелие и скотоводство // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 50. С. 350.

³⁶ Там же.

не, признаки которых он видел в «фермерстве и обработке земли наймом». Он оптимистично утверждал, что эти новые формы хозяйства, которые «принялись на нашей почве с полным успехом, скоро охватят весь край, с их благотворными последствиями, с их могучим влиянием»³⁷. Как и в других своих печатных работах того времени, Бунаков и в сельском хозяйстве условием развития считал необходимость научения народа, проводниками которого должны стать представители образованных сословий, стоящие над крестьянством, или управляющие им от имени власти. Существующую общинную форму землевладения в деревне, а также передел земель с торгов в городе он подвергал критике, полагая, что регулярные переделы общинных земель, при которых земледелец не является собственником своего надела и не заинтересован в его агрономическом улучшении, служат препятствием к стремлению крестьян улучшать обработку земли. Городские же торги на землю, насущно необходимую жителям, ведут к ее удорожанию и разорению наиболее бедных из них. «Одна только частная поземельная собственность, — утверждал Бунаков, — может вполне соответствовать свободе и разделению труда, потребность в которых так чувствуется в настоящее время, и улучшит экономический быт жителей»³⁸. Социальные последствия свободных торгов при аренде земли для мещанского населения провинциальных городов показаны были им в одном из литературных сочинений³⁹.

В условиях гласности, ставшей доступной для русских журналов и газет после восшествия на престол Александра II, в результате вынужденных для правительства послаблений в цензуре над печатью, особое значение приобретала публицистика. «Стремлением обличать» пороки «благородного общества», увлекся и Бунаков⁴⁰. Чтение либерально-западнического «Русского вестника»⁴¹

---

³⁷ Бунаков Н. Вологодская губерния в 1859 году. Земледелие и скотоводство // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 50. С. 351.

³⁸ Николай Бун... в. Торги на городские земли и передел сельских земель // Вологодские губернские ведомости. 1859. № 1. С. 2–3.

³⁹ Бунаков Н. Мешалкины // Библиотека для чтения. 1862. Март. С. 1–47.

⁴⁰ К. Я. Седых и др. Николай Федорович Бунаков: биобиблиографическое пособие. Вологда, 2004. С. 52–56.

⁴¹ Журнал «Русский вестник» основан был в Москве бывшим профессором Московского университета М. Н. Катковым при участии П. М. Леонтьева в начале 1856 г. На первых порах в «Русском вестнике» сотрудничали крупные русские писатели, поэты: Щедрин, Тургенев, А. Толстой, Плещеев, Огарев, Михайлов, А. Толстой; печатались статьи историка С. М. Соловьева. В области политиче-

влекло его к переменам в жизни, а славянофильское направление⁴² «Русской беседы»⁴³ отвечало интересу к изучению народной жизни. Целью «Русской беседы», сформулированной в объявлении о выходе журнала, являлась пропаганда русской народности, изучение русской жизни в её историческом развитии и утвержде-

---

ской «Русский вестник» сразу выступил за отмену крепостного права путем реформы «сверху», за освобождение общества от государственной опеки. Период этот продолжается не долго. Уже в середине 1860 г. Чернышевский имел все основания заявить на страницах «Современника»: «“Русский вестник” и наш журнал служат представителями двух различных принципов» (История русской журналистики XVIII–XIX веков. М., 1973. С. 318).

⁴² В объявлении о выходе журнала «Русская беседа», опубликованном в газете «Московские ведомости» (1856. № 27) заявлено было его славянофильское направление.

⁴³ Журнал «Русская беседа» издавался А. И. Кошелевым и Т. И. Филипповым и выходил с 1856 по 1860 гг. Здесь сотрудничали, кроме редакторов, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский. Печатались: А. Н. Островский, М. Е. Щедрин, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, В. И. Даль, историки М. П. Погодин и И. Д. Беляев, педагог и славист М. Ф. де-Пуле. В основе программы журнала лежала славянофильская доктрина, приспособленная к новым условиям эпохи конца 1850-х — 1860-х гг. Славянофилы по-прежнему защищали устои жизни, существовавшие в допетровской Руси, критиковали реформы Петра I и социально-политические преобразования на Западе, отстаивая «принцип народности». Касаясь воззрений славянофилов, К. С. Аксаков утверждал, что именно славянофилы через развитие русского воззрения стремятся к общечеловеческому, западники же «стоят за исключительно европейскую национальность, которой придают всемирное значение». Основная дискуссия по этому поводу разгорелась в 1856 г. В обсуждении проблемы народности славянофилам оппонировал, главным образом, «Русский вестник» в статьях М. Н. Каткова и Б. Н. Чичерина. К. Аксаков разъяснял славянофильский идеал общественного устройства: «правительству — сила власти, земле (народу) — сила мнения». Используя исторический материал, славянофилы развернули дискуссию о роли крестьянской общины, как первоосновы русской жизни. Неизменной частью славянофильского мировоззрения была борьба за общину, в отличие от Герцена и Чернышевского, они видели оплот против революции и социализма. Все эти идеи, характерные для славянофильского мировоззрения прежде, отразились в «Русской беседе». Теперь они дополнялись специальными материалами, посвященными крестьянскому вопросу, в которых выступали за освобождение крестьян с землей на основе общинного устройства и круговой поруки за выкуп, так же, как и либерально-западнические издания. Община в их представлении являлась хранительницей религиозно-нравственных устоев. Позицию славянофилов определяли нравственные соображения. Кошелев в своем дневнике еще в 1848 г. писал: «Стыдно и непонятно, как мы можем называть себя христианами и держать в рабстве своих братьев и сестер. Уничтожение рабства надо главнейше основать на Христовом учении о братстве». См.: История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. П. Громовой. СПб., 2003. С. 428–429, 432.

ние национального воззрения на все области науки и искусства⁴⁴. В 1859 г. соредактор «Русской беседы» И. С. Аксаков предпринял издание газеты «Парус». Причиной этому послужила приостановка выпуска в 1857 г. на № 38 газеты «Молва», к изданию которой он был причастен, за напечатанную в ней статью К. С. Аксакова «Публика и народ»⁴⁵. В объявлении о выходе «Паруса» И. Аксаков писал: «Наше знамя — русская народность! Народность вообще, как символ самостоятельности и духовной свободы, ... Народность русская, как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения общечеловеческой истины. Таково наше знамя!»⁴⁶. В шестнадцатистраничной газете, по мысли ее редактора, надлежало «разрабатывать вопросы современной русской действительности». Здесь предполагалось печатать не ученые статьи, а, скорее, письма и известия из российских губерний и славянских земель⁴⁷. В ответ на этот призыв Бунаков послал Аксакову свою корреспонденцию «Письмо из Вологды», написанную им в Кадникове. Первый номер еженедельного «Паруса» вышел 3 января 1859 г. Но уже на втором номере, в котором была опубликована статья Бунакова⁴⁸, газета была закрыта «за попытку обсуждать вопросы, обсуждению не подлежащие». А. Е. Тимашев, управляющий III отделением императорской канцелярии и начальник штаба корпуса жандармов, в объяснении с Аксаковым называл «Парус» русским «Колоколом»⁴⁹. Непосредственной причиной закрытия газеты стали передовые статьи Аксакова в обоих номерах. В них издатель заявлял о намерении следовать принципам гласности и свободы слова и призвал к уничтожению крепостного права⁵⁰. Сотрудничество с И. Аксаковым Бунаков

⁴⁴ Русская беседа: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетищенко. СПб., 2011. С. 255–257.

⁴⁵ Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 — начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 13. Царизм, освободительное движение и культура России. 1825–895 годы. Саратов, 1989. С. 59.

⁴⁶ Аксаков И. С. Об издании в 1859 году газеты «Парус» // Иван Аксаков. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 147–148.

⁴⁷ История русской журналистики XVIII–XIX веков. С. 436.

⁴⁸ Парус. 1859 г. № 2 (10 января). С. 28–40.

⁴⁹ Штакельберг Ю. И. Петербург начала 60-х гг. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 3. Саратов, 1973. С. 90.

⁵⁰ Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 — начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 13. Ца-

продолжал в 1861–1863 гг., печатая в его газете «День»⁵¹ корреспонденции из Вологды (47). В 1859 г., продолжая писать о жизни вологодского общества, он опубликовал в газете «Московские Ведомости» В. Ф. Корша⁵² обличительную статью «Рассказы из вседневной жизни» под псевдонимом «Северянин»⁵³, в которой описывал курьезные истории, происходившие в среде вологодской «благородной» публики⁵⁴. В корреспонденции рассказывалось также о полицейских порядках и о нравах дворянского общества в Вологде. Никто в городе не мог утверждать, что именно Бунаков был автором разоблачительной статьи, тем не менее, как он писал в автобиографической части своей повести «Бесовское наваждение», «местное общество возненавидело» его. Благодаря «негодованию задетых им лиц», Бунаков приобрел общее внимание: «Те, в чьих глазах прежде он был личностью без имени и фамилии, теперь узнали очень твердо и то, и другое. Дамы, для которых прежде он почти не существовал, наводили лорнеты и с любопытством останавливали на нем свои взоры. Мужчины, встречаясь с ним, считали обязанностью довольно громко обругать, как будто между собой, не обращаясь прямо к нему. Многие и боялись: черт возьми, как вздумает расписать, неприятная будет история!»⁵⁵. В 1859 г. в газете «Русский Дневник»⁵⁶ печатались корреспонденции Бунакова «Письма из Вологды», в кото-

---

ризм, освободительное движение и культура России. 1825–1895 годы. Саратов, 1989. С. 60–61.

⁵¹ Разрешение на издание газеты «День» И. Аксаков получил в мае 1861 г., преодолев противодействие А. Е. Тимашева. См.: *Порох В И.* И. С. Аксаков и царизм... С. 65. Газета выходила до 1865 г.

⁵² Валентин Федорович Корш (1828–1883) был помощником редактора и редактором газеты «Московские Ведомости» до 1863 г., до перехода ее к М. Н. Каткову. Корш придал газете литературно-общественный характер. Широкое место в ней заняли «обличительные материалы».

⁵³ Московские Ведомости. 1859. 13 марта.

⁵⁴ Публикация вызвана была оскорбительным высказыванием вологодского вице-губернатора И. И. Пейкера в отношении Бунакова за печатное высказывание своего мнения о торгах на городские земли и о спектаклях в местном театре — мнения, которые не совпадали с начальственным.

⁵⁵ Русское Слово. 1864. № 6. С. 209.

⁵⁶ Русский Дневник. 1859. №№ 63, 76, 108. Газета выходила в Петербурге с 1 января по 5 июля 1859 г. Издателем и редактором был писатель П. И. Мельников (Печерский). В газете сотрудничали С. Т. Аксаков (отец И. С. Аксакова), Е. П. Карнович, Д. Г. Мордовцев, М. П. Погодин. Издание пользовалось правительственной субсидией, но, не получив разрешения на политический отдел, закрылось из-за малого распространения.

рых он иллюстрировал борьбу в губернии с «недостатком» русского общества — «слабостью всяких умственных и нравственных влечений». Н. Г. Чернышевский в 1857 г. в журнале «Современник», освещая в библиографическом обзоре полемику между славянофильским журналом «Русская Беседа» и умеренно-либеральным журналом М. Н. Каткова «Русский Вестник»⁵⁷, писал: «... надобно признать настоятельнейшею необходимостью русского общества — пробуждение в нем мысли и способности к принятию каких-либо умственных убеждений, каких-либо нравственных влечений, каких-либо общественных интересов»⁵⁸. При всей критичности отношения к уровню образованности и развитости жителей городов Вологодской губернии, Бунаков в каждом успехе при расширении возможностей обучения и чтения книг видел доказательство прогресса⁵⁹. В очередной корреспонденции «Письма из Вологды», отмечая, что провинциальная аристократия боится огласки собственных пороков, он писал: «Между тем, те же аристократы... громко торжествовали, читая очерки чиновничьего быта, дагерротипы маленьких взяточников у г. Щедрина и жестоко осмеивали несчастных чиновников мелкой руки. Отчего же эти самые господа, которые радовались появлению очерков Щедрина, вдруг ни с того ни с сего, теперь восстали против гласности, когда она идет одним неуклонным путем, смеясь над тем же злом, над той же неправдой?»⁶⁰.

«Обличительный» характер публикаций Бунакова отвечал принятому тогда в либеральной прессе направлению, когда акцент делался на изображении недостатков, однако при этом не затрагивал «корни явлений»⁶¹. Возможно, по этой причине к 1860 г. обличительно-сатирические корреспонденции «надоели ему». Он стал пробовать себя в беллетристике, которая могла бы дать образное выражение его мыслям и чувствам и показать корни недостатков. Темы рассказов и повестей Бунакова касались знакомого ему

⁵⁷ Современник. 1857. № 4.

⁵⁸ Чернышевский Н. Г. [«Русская Беседа» и славянофильство] // Чернышевский Н. Г.: соч. в 2 т. Т. 1. М. 1986. С. 397.

⁵⁹ Северянин. Письма из Вологды // Русский Дневник. 1859. № 53. 22 февраля.

⁶⁰ Русский дневник. 1859. 24 мая. Цитата из корреспонденции Бунакова приводится по тексту работы: Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова. М., 1960. С. 18.

⁶¹ Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тарту, 1972. С. 24.

быта вологодской деревни и города, взаимоотношений крестьян и городских жителей. С 1861 г. он печатался в журналах «Светоч»⁶² и «Время». Редакция «Светоча», считая своей целью примирение западников и славянофилов и ликвидацию разрозненности в обществе, заявляла: «Восточники нам близки, как деятели, на знамени которых начертано: любовь к народу и внутренняя связь с ним. Западники же нам близки, как жаждущие прогресса, а потому соединения нашего с просвещенным Западом». В то же время редакция заявляла, что ее «любовь к народу» не будет мириться с его недостатками и предрассудками, а любовь к прогрессу не поведет ее по пути, пройденному больной Европой, потерявшей физические и нравственные силы»⁶³. В «Светоче» Бунаков напечатал «Рассказы из минувшего нашей губернии»⁶⁴. Словесный ряд этого сочинения был построен с использованием северно-русских народных выражений. В рассказе «Барская воля» автор рисовал черты быта и жизни русской деревни и нравственное разрушение тех ее жителей, которые отрывались от родных корней, попав в услужение в помещичью усадьбу. Благодаря близкому знакомству редактора «Светоча» А. П. Милюкова с братьями Достоевскими, Бунаков получил возможность печататься в журнале последних — «Время»⁶⁵. Критик журнала «Время» Н. Н. Стра-

---

⁶² «Светоч» издавался в 1860–1861 гг. Д. И. Калиновским. Редактором журнала был Александр Петрович Милюков (1817–1897), историк литературы, педагог, журналист и критик. Старый приятель Достоевских, он был причастен к делу Петрашевского. Милюков, по определению Бунакова, «человек простой и сердечный, но не вполне определенного направления: его тянуло и к Достоевским, и к Добролюбову» (50).

⁶³ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. С. 38.

⁶⁴ Светоч. 1861. Книжка IV. Опубликованы были рассказы «Барская воля» и «Воевода».

⁶⁵ Литературно-политический журнал «Время» издавался в Петербурге в 1861–1863 гг. М. М. и Ф. М. Достоевскими. Ядро редакционного кружка «Времени» составили, кроме братьев Достоевских, А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов. Здесь были опубликованы «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского, «Житейские сцены» Н. А. Плещеева, «Грех да беда на кого не живет» А. Н. Островского и др. произведения. Разнообразием своих рубрик журнал был интересен для публики и собирал много подписчиков. Литературную программу «Времени» формировали произведения Н. А. Некрасова, Я. Полонского, А. А. Григорьева, А. Н. Островского, Ап. Майкова, переводы из Эдгара По и Виктора Гюго, а также широкий круг произведений малоизвестных и начинающих авторов, в том числе рассказы и повести Бунакова. В критическом отделе журнала формулировалось его «новое слово» в литературе —

хов о литературных взглядах кружка Милюкова и Достоевских писал в своих воспоминаниях: «Политические и социальные вопросы были тут на первом плане и поглощали чисто художественные интересы. Художник, по этому взгляду, должен следить за развитием общества и приводить к сознанию нарождающееся в нем добро и зло... Дело художественных писателей полагалось главным образом в том, чтобы наблюдать и рисовать различные типы людей, преимущественно низкие и жалкие, и показывать, как они сложились под влиянием среды, под влиянием окружающих обстоятельств». При этом Страхов отмечал: «В основании этого настроения, конечно, лежало прекрасное чувство, гуманность, сострадание к людям, попавшим в трудное положение, и прощение им их слабости... Поэтому литературный кружок, в который я вступил, был для меня во многих отношениях школою гуманности»⁶⁶. В то же время, во взглядах Ф. М. Достоевского заметна была близость к славянофилам. В опубликованном в газетах в сентябре 1860 г. объявлении об издании журнала «Время», в его «программе», он заявлял о намерении служить слиянию образованности и ее представителей с началом народным, что исправило бы ошибку петровской реформы, которая «разъединила нас с народом. Достоевский писал в этой своей «декларации»: «Реформа Петра Великого нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом... После реформы был между ним и нами, со-

---

«почвенничество», или «русское направление», как называла его редакция. Существенную роль в нем играл критик Н. Н. Страхов, который с согласия издателей защищал особую самобытность русского народа, развивая идеи «почвенничества», в противовес западничеству и «умозрительному» западноевропейскому утопическому социализму. Он обвинял «Современник» в беспочвенности, в стремлении привить русскому народу западноевропейские болезни. Вместе с тем журнал высмеивал консервативные взгляды Каткова, его страх перед «Современником», и возражал К. С. Аксакову, оспаривая мысли статьи «Публика — народ» о крайней противоположности идеалов и привычек народа и привилегированной части населения, господ. Журнал был запрещен после выхода в 1863 г. апрельского номера со статьёй Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», в которой рассматривались причины польского восстания 1863 г. Хотя содержание статьи выдерживалось в патриотическом духе, но цензура увидела в ней возвеличение польской цивилизации в ущерб русской. Ф. М. Достоевский продолжил свою издательскую деятельность ежемесячником «Эпоха», который выходил два года (1864–1865). Журнал «Эпоха» продолжал защищать идеи «почвенничества» и активизировал полемику с демократическими журналами «Современник» и «Русское слово». См.: История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. М., 1973. С. 322.

⁶⁶ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. С. 37.

словием образованным, один только случай соединения — двенадцатый год, и мы видели, как народ заявил себя... Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа. Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством развивает Европа в отдельных своих национальностях»⁶⁷. Журнал «Время» предполагал основать новое направление в русской общественной мысли, противостоящее западникам и славянофилам, получившее название «почвенничества», происходившее из выражений Ф. М. Достоевского: «мы оторваны от своей почвы», «нам следует искать своей почвы», или «русского направления». Думается, Бунакову была близка идея, развивавшаяся критиком журнала Страховым, что беда России не в крепостном праве (тем более что оно отменено), а в отрыве интеллигенции от народа. Антипатичны Бунакову могли быть возражения Страхова против материального подхода к улучшению жизни народа, заявлявшего, что изменение положения масс должно идти через моральное, религиозное усовершенствование. Терпение русского народа Страхов истолковывал, как заслуживающую одобрения добродетель. Подобные идеи поддерживал и Ф. М. Достоевский, о чем Бунаков писал в своих воспоминаниях. Журналы «Свечеч» и «Время» привлекали его общей редакционной программой, признававшей необходимость соединения народа и образованного общества. Первым шагом к такому согласию должны были стать грамотность и просвещение народа. Правительственные начинания и общественная деятельность в этом направлении встречали сочувственное отношение этих журналов. То, что касается авторского коллектива журнала «Время», то большинство его сотрудников были педагогами-практиками⁶⁸, среди которых Бунаков находил единомышленников. Его произведения: рассказ «Село на юру»⁶⁹ и повесть «Город и деревня» (1861 г., книги 11 и 12), опубликованные во «Времени», проводили общую мысль — «порочное влияние города на жизнь

---

⁶⁷ Гроссман А. П. Материалы к биографии Ф. М. Достоевского (даты и документы) // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Том десятый. М., 1958. С. 568–569.

⁶⁸ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. С. 126.

⁶⁹ Время. 1861 г. Т. III. С. 207–234. Рассказ повествовал о жителях большого торгового села, стоявшего на Архангельском тракте у судоходной реки.

казённых крестьян — жителей большого торгового села». Подробно автор показывал также быт городского мещанства, более знакомый ему, «его дикие нравы, невежество, разврат»⁷⁰, чаще порождаемые бедностью. Надежды Бунакова на прогресс русского общества отразились в фрагменте сюжета, вплетенном им в содержание повести, когда один из городских мещан Антон Иванович Суцев, прошедший учение в уездном училище, закончивший гимназию и три курса Петербургского университета, решает вернуться на родину и посвятить себя помощи городской бедноте, создав ремесленную артель. В обоих журналах свои сочинения Бунаков печатал под псевдонимом «Федорович Н.»⁷¹. С 1862 г. он печатался в журнале «Библиотека для чтения», имевшем не отчетливо выраженную либерально-западническую ориентацию⁷². Опубликованы были его повести: «Мешалкины»⁷³, «из мещанского быта», и «Озерный приход»⁷⁴. В первой из них, как и в предыдущих произведениях, отразились наблюдения Бунаковым жизни провинциального городка. Автор показывал, как разрушается и гибнет семья мещанина под воздействием изменений, происходивших в государстве и обществе в результате экономических реформ. Скромное патриархальное благополучие, существовавшее в провинции при императоре Николае I, начинает разрушаться под воздействием новых форм капиталистической конкуренции. Интрига повествования строится на праве владения мещанами пригородными землями, которые обеспечивали им благополучие. Если прежде эти земли составляли собственность всей мещанской общины, то после решения властей взять их в свою собственность и сдавать в аренду жителям с торгов для повышения городских доходов начался процесс выделения наиболее состоятельных жителей, имевших возможность завладеть лучшими землями, и разорение более бедных. На эту проблему автор откликнулся

---

⁷⁰ Нечаева В. С. Указ. соч. С. 238.

⁷¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. М., 1958. С. 202.

⁷² История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. С. 319. «Библиотека для чтения, журнал словесности, наук и политики», издавался в Петербурге писателем А. Ф. Писемским, который, по характеристике Бунакова, был «человек грубый, настоящий “Никита Безрылов”, как он подписывался под фельетонами журнала» (50).

⁷³ Библиотека для чтения. 1862. Март. С. 1–47.

⁷⁴ Повесть «Озерный приход» (1864. № 1, 2) напечатана была после того, как редакторство в журнале перешло к писателю П. Д. Боборыкину.

ранее в статье «Торги на городские земли и передел сельских земель»⁷⁵. Вторая сюжетная линия повести «Мешалкины», наиболее знакомая и близкая Бунакову, рассказывала об обучении детей мещан и выражена была в ряде образов преподавателей и служителей уездного училища.

Зимой 1861 г. он впервые приехал в Петербург (48), где познакомился с литературной и общественной жизнью столицы. Здесь, после объявления «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». по его словам, в обществе «все ждали чего-то особенного, решительного, рокового»⁷⁶. Основанием для таких настроений служили многочисленные волнения крестьян, таким образом отозвавшихся на царский манифест, волнения, угрожавшие перерасти в стихийный революционный взрыв⁷⁷. Взбудоражили петербургское общество студенческие выступления, начавшиеся в сентябре 1861 г. в университете, аресты многих их руководителей и участников, а также распространявшаяся в городе прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым⁷⁸, и номера листовок «Великорусса» (48). Волнения студентов подготовлены были намерением правительства реформировать университетский устав. Учащиеся лишались большинства корпоративных прав на самоуправление, в том числе права на сходки. Увеличивалась плата за обучение и ликвидировалась практика освобождения от нее нуждающихся студентов, что фактически лишало малоимущих возможности обучения. Эти правила объявлены были в начале нового учебного года. Сходка, устроенная студентами 23 сентября 1861 г. в ответ на намерения правительства, стала поводом для закрытия университета. 25 сентября, придя к уни-

---

⁷⁵ Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1859. № 1. С. 1–3.

⁷⁶ По определению Герцена, это было ожидание приближения «чего-то великого, чем воздух полон, чем земля колеблется и чего еще нет ...» (*Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. XV. С. 313).

⁷⁷ Крестьянская реформа, как и ожидало правительство, встречена была народом с неудовольствием. Само обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. обставилось с большой секретностью. В Петербурге и Москве его объявили 5 марта — в «прощенное воскресенье», когда верующие должны быть особенно смиренными и просить друг у друга прощения за причиненные обиды.

⁷⁸ Написанная Шелгуновым в марте — апреле 1861 г., прокламация была отвезена М. А. Михайловым (сотрудником журнала «Современник») в Лондон к Герцену и напечатана в июне того же года в Вольной русской типографии. Тираж был переправлен в Россию и 3–4 сентября перед началом нового учебного года распространен в Петербурге. Бунаков считал, что ее автором был М. А. Михайлов

верситету и увидев закрытые ворота, студенты небольшими кучками отправились с Васильевского острова на Колокольную улицу к квартире попечителя учебного округа генерала Филипсона. Там собралась вся студенческая масса, вскоре окруженная воинскими частями, полицией и пожарными, и затем по Невскому проспекту под конвоем сопровождаемая назад к университету. На следующий день начались аресты среди студентов⁷⁹. 12 октября полиция и войсковые подразделения окружили толпу учащихся, собравшихся у здания университета. Несколько сот из них было арестовано⁸⁰ (600 человек) и отведено в Петропавловскую крепость. Впоследствии часть из них переправили в Кронштадт. Правительство вынужденно было закрыть университет впредь до пересмотра его устава. Далее последовало следствие и высылка выявленных руководителей студенческого движения из Петербурга. Как очевидно, шествие студентов стало следствием закрытия дверей университета без предварительного объявления об этом властей. По мнению современника, генерал-кригс-комиссара (начальника интендантской службы) российской армии в отставке И. Д. Якобсона, вся эта история носила признаки провокации, устроенной властями для обуздания наиболее активной части студенчества⁸¹. Действия правительства стали показателем конца «оттепели» в его отношениях с обществом и началом эпохи реакции. Власть демонстрировала, что она, осуществив свои намерения в главном вопросе, в крестьянском, далее не заинтересована в поддержке общества и переходит к управлению с помощью репрессивных мер, а мероприятия против университетов (не только в столицах, но и в других городах) и студенчества стали «первой крупной диверсией» властей⁸². Наиболее решительная часть общества, в лице студенчества, показала в ответ властям, как писал Николай Серно-Соловьевич в начале 1864 г., рождение «личностей — страшных энергиею и неприимимостью убеждений», в сравнении с которыми «самые крайние люди поколений, воспитанных в прошлое царствование, оказыва-

---

⁷⁹ Штакельберг Ю. И. Петербург начала 60-х гг. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 3. Саратов, 1973. С. 92.

⁸⁰ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 178.

⁸¹ Штакельберг Ю. И. Петербург начала 60-х гг. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 3. Саратов, 1973. С. 93.

⁸² Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 191.

лись почти детьми»⁸³. Причина столь радикальных изменений в общественном настроении лежала не только и не столько в стремлении противодействовать попытке правительства вернуться к прежней политике в отношении университетского образования. Размах и острота студенческих волнений стали отражением общего положения, складывавшегося в стране после отмены крепостного права, когда крестьянство отвечало волнениями на правительственную реформу. Молодое поколение, со своей стороны, не желало возврата к прошлому и готово было начать борьбу более радикальными средствами не только за сохранение полученных прежде прав, но и за дальнейшее демократическое развитие страны. Студенческие волнения обострили настроения в обществе. Прокламационная же компания, открытая в 1861 г. радикальными демократами в лице окружения Чернышевского, отвечала настроениям молодой разночинной интеллигенции и должна была предложить обществу задачи и способы борьбы против несправедливого для крестьянства «Положения 19 февраля».

Целиком захваченный настроениями петербургского общества, Бунаков часто посещал семью бывшего директора вологодской гимназии А. В. Латышева, который к этому времени служил в 6-й (Ларинской) гимназии на Васильевском острове. Здесь он нашел «то же возбуждение, полное надежд и иллюзий» (49). Общее настроение было таково, что «брожение общества» отразилось и в семействе Латышева, несмотря на его «официальное положение». Здесь свободно, «без всякого опасения», вспоминал Бунаков, велись разговоры, сообщались политические новости. Также свободно «обращались в обществе прокламации». С «Великоруссом» он познакомился с помощью вологжанина Ф. И. Дозе — учителя русского языка в Ларинской гимназии, находившимся в гуще событий, активно занимавшимся помощью знакомым ему студентам, арестованным в связи с волнениями в Петербургском университете (49)⁸⁴. Листок «Великорусса», основываясь на неприемлемости ре-

⁸³ Лемке Мих. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб, 1908. С. 217. Цит. по: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. С. 173–174.

⁸⁴ Федор Иванович Дозе (1831–1879) — сын учителя немецкого языка вологодской гимназии И. И. Дозе. После окончания Вологодской гимназии он получил образование на историко-филологическом отделении Петербургского университета. С конца 50-х гг. преподавал русский язык в Ларинской гимназии. На его активность в Петербурге, где он вел работу по сбору средств для арестованных и высылаемых студентов, обратила внимание полиция. У Дозе был сде-

формы 19 февраля для всего крестьянства, требовал коренного изменения государственного строя. Минимальным условием была передача крестьянам всех земель и угодий, находившихся в их пользовании при крепостном праве, с освобождением их от особых повинностей и выкупом земли «за счет всей нации».

В Петербурге Бунаков сблизился с литературным окружением ряда столичных журналов. В их числе был авторский коллектив журнала «Время», с которым он познакомился по приглашению Ф. М. Достоевского (49). Самой обсуждаемой темой на вечере, вспоминал Бунаков, был вопрос «возможно ли и готово ли в России революционное движение». Большинство присутствовавших «отрицало возможность русского народного революционного движения». Симпатии Бунакова, по его признанию, были на сторону тех, кто не только ждал революцию, но и считал ее возможной⁸⁵. «Пророком» кружка, «перед которым все преклонялись», был Ф. М. Достоевский. Он, по словам Бунакова, «бегая по комнате мелкими шажками, некоторое время не вмешивался в разговор, потом вдруг заговорил, пришепывая, и все призамокли». Достоевский говорил «о смирении, об очищающей силе страдания, о всечеловечности русского народа, о невозможности с его стороны никаких самовольных движений ради собственно блага, об отвращении его ко всякому насилию, о неестественности какого бы то ни было общения между ним и самозванными радетелями его, набравшимися революционных идей или из книжек, или прямо из жизни Запада, которая противоположна русской жизни и не может служить ей примером» (50)⁸⁶.

лан обыск. 8 мая 1862 г. он был заключен в Петропавловскую крепость. Постановлением Высочайше учрежденной следственной комиссии Доде был выслан в Кострому. До 1867 г. он находился там под надзором полиции и служил в губернском правлении, заведывая типографией и редакцией Костромских губернских ведомостей. 23 июля 1879 г. он застрелился. См.: Деятели Революционного Движения в России (ДРДВР). Т. 1. Ч. 2. М., 1928. Стб. 105; Дневник Ф. И. Доде // Исторический вестник. 1884. Т. 10 (XVIII). С. 76–77; Русские фольклористы. Библиографический словарь. Пробный выпуск. М., 2010. С. 155–157.

⁸⁵ В начале 1890-х гг. Бунаков, разочарованный в революционном движении, считал, что «все русские революционные начинания и надежды и тогда и позже были задорным самообманом, который привел только к напрасной гибели массы лучших — самых даровитых и самых честных людей поколения» (50).

⁸⁶ По мнению В. С. Нечаевой, «о «смирении», «непротивлении» народа насилию, «очищении страданием» во «Времени» не писал ни Ф. М. Достоевский, ни его сотрудники. См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. С. 292.

В Вологду Бунаков вернулся в середине января 1862 г., воодушевленный виденным в Петербурге. За время отсутствия там прибавилось число ссыльных студентов, образовавших свой кружок, с участниками которого он свел знакомство. Среди них ему запомнились бывшие студенты университетов: Казанского — Иван Золотов и Петербургского — Марк Акимович Новоселицкий⁸⁷. Золотов рассказывал об Антоне Петрове, руководителе крестьянского выступления в апреле 1861 г. в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, «как мученике за крестьянскую свободу». Бунаков вспоминал, как Золотов «с глубоким чувством» пел песню «Долго нас помещики душили»⁸⁸ (51). Песню эту пели казанские студенты после панихиды 16 апреля 1861 г. на Куртинском кладбище Казани по жертвам безднинского расстрела крестьян⁸⁹. С одним из участников кружка ссыльных, бывшим студентом Харьковского и Киевского университетов Я. Н. Бекманом⁹⁰, Бунаков сошелся особенно близко (51). Этот человек своим умом и способностями выделялся среди других, а взгляды его, как пи-

---

⁸⁷ М. А. Новоселицкий за участие в студенческих волнениях 1861 г. в Петербурге был выслан в Вологодскую губернию без запрещения поступать на службу. С 20 октября 1861 г. он был определен жить в Грязовце под надзором полиции.

⁸⁸ Словами для песни стало стихотворение, написанное в 1861 г., предположительно, Василием Степановичем Курочкиным, сыном крепостного, отпущенного «на волю». В. С. Курочкин (1831–1875 гг.), журналист, поэт, общественный деятель в 1861–1863 гг. был членом Центрального комитета общества «Земля и воля».

⁸⁹ Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. Том второй. Л., 1988. С. 65, 560. Отправление церковной панихиды по погибшим должно было вселить и вселило в крестьян уверенность, что павшие невинны и выступление их было оправдано. После богослужения с речью выступал бакалавр Казанской духовной академии, преподаватель университета, историк А. П. Шапов, который выразил надежду, что смерть крестьян — мучеников «воззовет народ к восстанию и свободе».

⁹⁰ Яков Николаевич Бекман (1836–1863), состоя студентом Харьковского университета, принимал участие в тайном обществе, образованном в 1855 г. «с целью произведения переворота в существующем образе правления в России». В 1858 г. исключен из Харьковского университета за участие в студенческих волнениях, переехал в Киев и поступил в университет Св. Владимира вольнослушателем. 1 февраля 1860 г. арестован в Киеве по делу о харьковском тайном обществе. С 6 марта по 24 июня находился в заключении в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. 12 июня 1860 г. приговорен к высылке в Вологодскую губернию «для определения на службу по уездным городам». 6 сентября 1862 г. арестован в Вологде и затем приговорен к высылке в Самарскую губернию за украинофильскую пропаганду. Высланный в Самару, умер от лихорадки 6 октября 1863 г. См.: ДРДВР. Т. 1. Ч. 2. Стб. 32. М., 1928.

сал Бунаков, отличались крайним радикализмом (51)⁹¹. В Вологде Бекман с 29 октября 1860 г.⁹² жил под надзором полиции и служил в губернской канцелярии по коннозаводству.

Несколько раньше Бунакова в Вологду из Петербурга приехал Л. Ф. Пантелеев (53), учившийся в университете, но уволенный из него за деятельное участие в студенческих волнениях⁹³. Как представитель центра вновь созданного тайного революционного общества «Земля и воля», он намеревался рекрутировать здесь новых членов организации. Вдохновителями общества были Герцен и Чернышевский, а организаторами — входившие в круг журнала «Современник», братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, С. С. Рымаренко и В. С. Курочкин. Шесть организаторов общества составили его первый Центральный комитет. «Земля и воля» строилась, как федерация кружков (отделений) в российских городах⁹⁴. Программой общества была положена брошюра «Что нужно русскому народу», составленная в Лондоне к июлю 1861 г. и напечатанная в «Колоколе» за авторством Н. П. Огарева⁹⁵. «Десятка два» этой брошюры Пантелеев привез с собой и передал для распространения одному из новых членов организации. Составители брошюры требовали передать крестьянам всю землю, которой они владели до реформы, за выкуп из государственной казны; ввести общероссийское народное представительство при царе из выборных от губерний; сократить расходы на войско и на содержание царской семьи⁹⁶. Перечень доволь-

⁹¹ Большинство членов Харьковско-Киевского тайного революционного общества, в которое входил Бекман, ставили своей конечной целью совершение переворота для установления республиканского строя и освобождения крестьян. См.: Михайлов Б. Г. Архангельская ссылка 60-х гг. XIX в. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 11. Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX в. Саратов, 1986. С. 66.

⁹² Михайлов Б. Г. Вологодская ссылка 60-х годов XIX в. // История СССР. 1970. № 1. С. 176.

⁹³ Пантелеев был выходцем из Вологодской губернии, учившимся в местной гимназии на 4 класса позже Бунакова. В 1853 г. Пантелеев учился в 3-м классе гимназии, а Бунаков — в 7-м, выпускном, классе. См.: «Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть». 1853 г. № 52.

⁹⁴ Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 2003. С. 244.

⁹⁵ Линков Я. И. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля 1860-х годов // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 38, 40.

⁹⁶ Огарев Н. П. Что нужно народу? // Колокол. № 102. 1 июля 1861 г. Приложение к 102 листу «Колокола». Стр. 2 // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон — Женева. Факсимильное

но умеренных требований «программы» говорил о желании привлечь на свою сторону как можно больший круг демократически настроенной интеллигенции. Пантелеев отмечал в своих воспоминаниях, что эта программа «по своей умеренности и практической постановке общественных вопросов была очень пригодна для провинции», учитывая «совершенно мертвенный застой местного общества». В Вологде посланец из Петербурга встретился с Николаем Яковлевичем Соболевым, учителем истории местной гимназии, который «проявлял большой интерес к радикальному движению, развивавшемуся в Петербурге»⁹⁷. Соболева рекомендовал Пантелееву один из «членов Педагогического кружка»⁹⁸, «приобщенного к «Земле и воле», как человека, «которому можно довериться»⁹⁹. В Петербурге же ему сообщили о Бекмане, который может помочь с организацией местного кружка «Земли и воли». После знакомства Пантелеев предложил Бекману содействовать новой организации. Не смотря на уверенность в том, что в Вологде для этого «плохая почва» и «может быть человека два найдется, которых стоит привлечь» к этому делу, Бекман¹⁰⁰ примкнул к обществу¹⁰¹. По его же предложению в апреле 1862 г. Пантелеев привлек к организации Бунакова¹⁰². Членами вологодского отделения «Земли и воли» стали также ссыльные Золотов и Новоселицкий, а также преподаватель истории в местной гимназии Н. Я. Соболев¹⁰³, кото-

---

издание. Выпуск четвертый. 1861. Лондон. М., 1962. Требования эти сближали программу с содержанием одного из листов прокламации «Великорусс», распространявшейся во второй половине 1861 г.

⁹⁷ Пантелеев А. Ф. Воспоминания. С. 304, 307.

⁹⁸ «Педагогическим кружком» в начале 1860-х годов в Петербурге среди студентов называли бывших воспитанников Педагогического института, переведенных по закрытии заведения в университет. Члены этого кружка отличались «философско-политическим радикализмом». Увлекались они политико-экономическими идеями, а журнал «Современник» пользовался в этом кружке особенной симпатией. Со второй половины 1861 г по лето 1862 г., в период усиленного брожения в обществе, симпатии самых видных его членов оказались на стороне этого движения. См.: Пантелеев А. Ф. Указ. соч. С. 202–204.

⁹⁹ Пантелеев А. Ф. Воспоминания... С. 304.

¹⁰⁰ Там же. С. 304–305.

¹⁰¹ Деятели Революционного Движения в России (ДРДВР). Биобиблиографический словарь. Т. 1. Ч. 2. М., 1928. Стб. 35.

¹⁰² Там же. Стб. 53; Пантелеев А. Ф. Воспоминания. С. 347.

¹⁰³ Михайлов Б. Г. Вологодская ссылка 60-х годов XIX в. // История СССР. 1970. № 1. С. 177.

рый, по словам Бунакова, был «честнейшей личностью и отличным работником» (55).

Время с середины 1861 г. до ноября 1862 г. было первым периодом в истории «Земли и воли», когда происходил процесс объединения разрозненно существовавших кружков и тайных обществ во всероссийскую организацию, разрабатывались идейно-теоретические основы общества и тактика революционной борьбы¹⁰⁴. Процесс организации нового общества активизировался с осени 1861 г., когда начались волнения студентов и их аресты. Целью организации была подготовка и участие в ожидаемом всенародном вооруженном восстании, начало которого предполагалось на весну 1863 г., когда заканчивался срок введения Уставных грамот, регулировавших отношения между крестьянами и их прежними владельцами. Вожди революционной партии рассчитывали, что восстание крестьян, недовольных результатами «дарованной» им свободы, охватит всю Россию. Тогда «Земля и воля» сможет возглавить и организовать народное восстание. Структура тайного общества, по конспиративным соображениям, представляла собой сеть пятерок, которые, по замыслу организаторов, должны были охватить всю Россию¹⁰⁵.

В сентябре 1862 г. Бекман был арестован, а в октябре выслан в Самару¹⁰⁶. На этом прекратил существование и вологодский кружок «Земли и воли»¹⁰⁷. Практической деятельностью, как член «Земли и воли», Бунаков, по всей вероятности, не успел заняться, так как эта тайная организация представляла собой сеть изолированных групп, подчиненных некоему центру. Свои демократические взгляды и отношение к происходящему Бунаков реализовывал в своей преподавательской работе и в литературных сочинениях, публицистических статьях и исследованиях.

Преподавание в уездном училище, по словам Бунакова, у него «ладилось». По этой причине, когда в Вологодской гимназии появилась вакансия младшего учителя русского языка, он 29 августа

---

¹⁰⁴ Линков Я. И. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 35.

¹⁰⁵ Линков Я. И. Указ. соч. С. 40, 41.

¹⁰⁶ Михайлов Б. Г. Вологодская ссылка 60-х годов XIX в. // История СССР. 1970. № 1. С. 177.

¹⁰⁷ Михайлов Б. Г. Демократическое движение в Вологде во второй половине XIX века // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 1. Вологда, 1994.

1862 г. получил это место¹⁰⁸. Учительству своему в гимназии Бунаков отдался «всею душой», как любимому делу. К этому времени, под влиянием впервые изданной работы К. Д. Ушинского «Детский мир», а затем «Родное слово» стала складываться его система обучения и воспитания. В основу занятий русским языком он положил не заучивание учебника грамматики, а «чтение и словесные упражнения, устные и письменные» (54–55). Идеалом для него становился «учитель-педагог», который «уча воспитывает, учит и воспитывает» (64).

Не оставлял Бунаков и литературных занятий. В журнале «Якорь», выходившем под редакцией Аполлона Григорьева, в 1863 г. он напечатал повесть «Лихой год», а в «Русском Слове» — рассказ «По дороге»¹⁰⁹, начав сотрудничество с Г. Е. Благодетельным. В 1864 г. в двух номерах «Русского Слова» была опубликована его повесть «Бесовское наваждение»¹¹⁰, подписанная псевдонимом¹¹¹. Знакомство с этим сочинением позволяет понять, как изменилось отношение автора к либеральному обществу после начала реализации крестьянской реформы, когда он увидел, что громкие фразы, звучавшие на дворянских собраниях, оказались модной мишурой и прикрытием для ретроградов. Предводитель дворянства Вологодской губернии генерал-майор Н. Т. Шарыгин, выступая в 1863 г. на открытии дворянского собрания, обращался к помещикам со словами: «Время сословных предрассудков ушло безвозвратно, а дух времени и требование грамотности выдвинули на первый план вопросы о праве человека, о праве гражданина и тем самым подорвали авторитет сословных прав и привилегий. Нам, как привилегированному сословию, осталось одно из двух: или, опираясь на отжившие предания и дворянские грамоты наши, упорно отстаивать все свои привилегии и всеми силами задерживать развитие указанных нам прав, или пожертвовать некоторыми из своих интересов, встать впереди народа и ве-

¹⁰⁸ Список лиц, служивших и служащих в Вологодской губернской гимназии // Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии. 1786–1886 гг. Вологда. 1886.

¹⁰⁹ Русское слово. 1863. № 8. Первоначально рассказ назывался «На подсеке» и предназначен был для публикации в журнале «Время», но после неожиданного закрытия последнего Бунаков передал его в «Русское слово» Благодетельному.

¹¹⁰ Русское Слово. 1864, № 6, 7.

¹¹¹ В № 6 повесть подписана была псевдонимом «Ф. Федорович», а в № 7 — «Н. Федорович».

сти его по пути цивилизации и прогресса». Подобно славянофилам, предводитель провозглашал, что дворянство, благодаря своей образованности, обладает «умственным и нравственным превосходством над остальной массой народа» и по этой причине девизом для сословия должно стать: «все для блага России, все для единения с народом»¹¹². Повесть Бунакова состояла из нескольких рассказов, объединенных общими героями, одним из которых был сам автор. Сочинение носило автобиографический характер. В названии повести и в ее содержании автор проявлял сарказм по отношению к либеральному дворянству, да и к себе самому, поверившему в либеральные славословия под воздействием, как он писал, «бесовского наваждения» и «злого духа». Сатирический характер повести говорил о разочаровании Бунакова в результатах реализации реформ и в русском либеральном обществе, «слинявшем» после наступления реакции в политике властей. В повести воспроизводились образы дворян и чиновных особ Вологодской губернии 50–60-х гг., начиная со времени крымского ополчения, когда провинциальное общество охвачено было «ура-патриотическими настроениями». Основное ее содержание состояло из описания событий, предшествовавших отмене крепостного права, и после 19 февраля 1861 года¹¹³. Конец 50-х — начало 60-х гг. автор называл «временным вселением беса прогресса»: «Помещики заговорили о гуманизме и об экономических требованиях, о труде и — ужас! — о равенстве. Чиновники сильно привязались к гласности и литературе. Барыни на благотворительность налегали. Конечно, это не мешало всем деяниям идти своим обычным чередом: так и должно быть в благоустроенном обществе — слова словами, а дело делом»¹¹⁴. С иронией и, быть может, с грустью Бунаков описывал себя в конце 50-х гг.: «Мальчик неглупый, мальчик злой, мальчик самолюбивый, зазорный, дерзкий...», в голову которому «без помощи беса лезла всякая чертовщина, то из “Русского вестника”, то из “Русской беседы” какие-то мыслицы и мыслищи, образуя какой-то дикий хоровод»¹¹⁵. С той же иронией Бунаков писал о поведении в деревне некоего славянофила в об-

---

¹¹² Савицкий И. В. Собрания вологодских дворян в середине XIX — начале XX века // Вологда. Краеведческий альманах. Выпуск 3; Вологодские губернские ведомости. 1863. № 29.

¹¹³ Русское Слово. 1964. VI. С. 198.

¹¹⁴ Там же. С. 213.

¹¹⁵ Там же. С. 199.

разе помещика Хмелева, приехавшего в деревню после выхода манифеста 19 февраля, чтобы «полюбовно» подписать с крестьянами Уставную грамоту на условия владения ими землей. Одетый в «славянофильский костюм, сшитый очень ловко, точно для маскарада», в красной рубахе, плисовых штанах и кучерской поддевке, славянофил намеревался «сблизиться с народом, перекинуть мост» между собой и им. Поселившись в избе своего бывшего крепостного, Хмелев, кроме занятий по «сближению» с народом, «изучал крестьянский быт» и писал об этом корреспонденцию для московской газеты под названием «Опыт сближения с народом (письмо И. С. А.¹¹⁶)». Через неделю славянофил закончил свой вояж, написав корреспонденцию, и при «сближении с крестьянами» успел мимоходом совратить жену хозяина избы, в которой жил, и приучил последнего к пьянству¹¹⁷. Если «славянофил» решал «земельный вопрос» с крестьянами «к обоюдному удовольствию и согласию», то в соседней деревне «взаимное согласие помещика с крестьянами» при составлении и подписании Уставной грамоты достигалось другим способом. Уездный мировой посредник был здесь назначен губернатором и предводителем дворянства по протекции заезжего князя, предложившего на эту должность помещика, у которого он гостил. Помещик обещал, что, став мировым посредником, обеспечит на своем участие составление и введение в действие грамот «по взаимному соглашению помещиков с крестьянами». Отправляясь в деревню, принадлежавшую генерал-губернатору, посредник держал в кармане Уставную грамоту и думал: «Шибко обрезал генерал мужиков, шибко обрезал, от двадцати-то десятин да на семь, да девяти-рублевый оброк вместо восьми-рублевого, а ведь как расписал-то: “желая устроить быт крестьян со всевозможными для них льготами, с пожертвованием собственного интереса, прибавляю им по десятине лишней, сверх определенного надела ...”¹¹⁸, это, говорит, меньшие братья наши,.. гуманность ... и все такое. Да вот что-то запоет эта “меньшая” братия? Еще сделай ему непременно, чтобы крестьяне подписали грамоту, чтобы утверждена была по обоюдному согласию ... Проказник! Вот тут, что хочешь,

¹¹⁶ По всей вероятности, имелось в виду «Письмо И. С. Аксакову».

¹¹⁷ Русское Слово. 1864, № 7. С. 77–84.

¹¹⁸ В первой полосе, в которую входила Вологодская губерния, крестьянский надел определен был не менее 5 десятин.

то и делай, хоть из кожи полезай... Беда!»¹¹⁹. Своей повестью Бунаков вынужден был признать, что его надежды на справедливое решение крестьянского вопроса не оправдались. Сатирический стиль и ирония, с которыми изображалось дворянско-чиновное общество, вызвали взрыв «праведного» негодования местной аристократии и гонения против автора повести¹²⁰, имя которого было нетрудно определить.

К середине 60-х гг. «критика, даже в узких рамках обличительства, оказывалась неприемлемой для правительства... и приобретает, несмотря на свою ограниченность, оппозиционный характер»¹²¹. Начальство Петербургского учебного округа, не обращавшего прежде внимания на жалобы и сплетни на Бунакова, уступило требованиям из Вологды изгнать неугодного учителя гимназии. 14 августа 1864 г. его отчислили от должности младшего преподавателя в вологодской гимназии¹²². Он уехал в Петербург, где вышел в отставку, «рассчитывая существовать литературным трудом» (58). Для Бунакова наступил период в его жизни, когда пришлось решать не только, чем он будет заниматься, но и чем существовать. Не случайно в своих воспоминаниях период с 1864 г. по 1866 г. он назвал «На распутьи». Общественная жизнь Петербурга, в которую он вновь погрузился, заставляла определиться — с кем он в начавшейся тогда полемике между журналами «Современник» и «Русское Слово»¹²³; с теми, кто считал себя продолжателями дела Чернышевского и Добролюбова, или с новым поколением молодежи — с так называемыми «реалистами», будущими

---

¹¹⁹ Русское Слово. 1864, № 7. С. 70.

¹²⁰ Латышев В. Бунаков Николай Федорович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых под ред. С. Венгерова. Т. 5. СПб., 1897. С. 366.

¹²¹ Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тарту, 1972. С. 24.

¹²² Список лиц, служивших и служащих в Вологодской губернской гимназии. // Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии. 1786–1886 гг. Вологда, 1886.

¹²³ «Современник» и «Русское Слово» в 1863–1866 гг. признавали необходимость коренной ломки основ существующего строя, осуждали либерализм и его сделки с самодержавием, защищали интересы народа. «Расколом в нигилистах» был назван Ф. М. Достоевским конфликт Салтыкова с редакцией «Современника», но в дальнейшем этим выражением стали пользоваться для обозначения полемики «Современника» с «Русским Словом». См.: Ф. М. Достоевский. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах // Эпоха. 1864. № 5.

руководителями революционного движения, «мыслящим пролетариатом», заявленными Д. И. Писаревым.

Среди журнальных кружков, в которые Бунаков был вхож, он «ближе других сошелся с кружком журнала «Русское Слово»¹²⁴. Дружеские отношения установились с его редактором и, по сути, хозяином — Г. Е. Благосветловым, в прошлом учителем словесности¹²⁵. «Симпатии больше всего влекли меня к «Современнику», но там у меня не было никаких знакомств», — писал Бу-

---

¹²⁴ В области политической «Р. С.» развивало революционно-просветительскую программу. Ее разрабатывал главным образом Писарев — принципиальный сторонник преобразования общественных отношений революционным путем. Публицисты «Р. С.» полагали, что народ, задавленный нуждой и непосильным трудом, не может сам определить свою историческую судьбу, что активной силой в общественно-политической борьбе является «мыслящий пролетариат» — интеллигенция, а массы следуют за ней. В «Р. С.», в частности в статьях Писарева, превозносилось значение естественнонаучных знаний в формировании новой, демократической интеллигенции, в борьбе за социалистическое переустройство общества. Отводя большое место в журнале популяризации теории Дарвина, публицисты «Р. С.» нередко переносили основные выводы этой теории в область общественных отношений. В 1865 г. в «Русском Слове» в № 5–6 Бунаков опубликовал повесть «Женские немощи».

¹²⁵ Г. Е. Благосветлов (1824–1880), как и Бунаков, начал свою деятельность, как учитель русской словесности. После окончания в 1851 г. юридического факультета Петербургского университета он преподавал в петербургских военно-учебных заведениях: с 1851 г. в Пажеском корпусе, в 1852 г. в Михайловском артиллерийском училище, затем во 2-м кадетском корпусе и в Дворянском полку. Несмотря на старание и талант в апреле 1855 г. Благосветлов был уволен из всех учебных заведений, где он служил. Причиной тому послужил донос ученика Пажеского корпуса (племянника Дубельта) о том, что он, будто бы, так отозвался о скончавшемся императоре Николае: «Государь занимался одними пуговицами и воротниками». В январе 1856 г. через конкурсное испытание Благосветлов принят был преподавателем в Маринский институт благородных девиц. Уже через три месяца из 3 отделения императорской канцелярии в институт пришло распоряжение императора: «Учителя Маринского института уволить от занимаемой им должности и впредь на службу по учебной части не определять». Причиной этой трагической для Благосветлова истории стало его письмо к В. И. Семевскому, написанное в феврале 1856 г. Автор письма не догадываясь, что после увольнения из военно-учебных заведений за ним был установлен негласный надзор полиции, а переписка его перлюстрировалась. В своем письме к Семевскому 11 апреля 1856 г. он, вспоминая увольнение год назад, отдался чувствам. В частности, Благосветлов писал: «Ученик донес на своего учителя, который никогда ничего не желал своим воспитанникам, кроме добра и пользы ... Это совершенно достойно аристократа и его сына ... мерзавцы, достойные темниц, костров, цепей и рабства, гнетущего вас, пресмыкающихся тварей и подлых лакеев придворного крыльца ...» и т. д. См. Кузнецов Ф. Ф. Крут Д. И. Писарева. М., 1990. С. 42, 46–47, 52–53.

наков. В отношении к полемике, развернувшейся с начала 1864 г. между двумя журналами «не на живот, а на смерть», он, по-видимому, был на стороне «Современника», где, по его словам, «были еще свежи и живы традиции Добролюбова и Чернышевского». В демократических же кругах Петербурга, в большинстве, как писал Бунаков, успехом пользовалось «Русское Слово».

Кризис революционно-демократической мысли в России, наступивший в середине 1860-х гг. стал проявляться после 1862 г.¹²⁶, когда для деятелей революционной демократии становится очевидной необходимость осмысления новой исторической ситуации и поиска новой тактики действий, не отказываясь при этом от идеалов народной революции. Формированием своих ответов на изменение политической ситуации в стране оба журнала занимались с начала 1863 г., с возобновления издания «Современника» и «Русского Слова»¹²⁷ и до перехода к открытой полемике между ними в 1864–1865 гг. В «Русском Слове» появляются критические высказывания, направленные против «Современника». По ходу развития эта дискуссия стала облекаться в грубую форму, что способствовало расколу в демократической среде русского общества¹²⁸. Начало полемике между публицистами «Современ-

---

¹²⁶ Рейфман П. С. «Современник» и «Русское Слово» перед «расколом в нигилистах» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 251. Труды по русской и славянской филологии XV. Литературоведение. Тарту, 1970. С. 49.

¹²⁷ В июне 1862 г. «Современник» и «Русское Слово» были закрыты на 8 месяцев. Вслед за тем 7 июля 1862 г. был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости Чернышевский.

¹²⁸ В «Перлах и алмазах нашей журналистики» В. Зайцев критиковал № 9 «Свистка», осуждал напечатанный здесь отзыв Салтыкова о Достоевском (Салтыков-Шедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1966. С. 303.), замечая, что произведения, подобные «Запискам из Мертвого дома», «пишутся собственной кровью, а не чернилами с вице-губернаторского стола». Зайцев выражал надежду, что «Современник» может «исправиться», но предлагал «гг. свистунам “Современника” бросить вице-губернаторский тон» («Русское Слово». 1863. № 4. С. 17). В «Дневнике темного человека» говорилось, что «Современник» лучше остальных журналов, что редакция «Русского Слова» сочувствует его направлению. В то же время здесь утверждалось, что многие читатели с одинаковым удовольствием читают «Современник» и «Русский Вестник» и «только потому отличают один журнал от другого, что у них обертки разные»; автор будто бы пробовал подклеивать статьи из «Русского Вестника» в «Современник» и давал читать: «Никто даже и не догадался» («Русское слово». 1863. № 9. С. 2, 3). В таких и подобных высказываниях намечен был ряд будущих обвинений, адресованных «Русским Словом» «Современнику». В свою

ника» (М. Е. Салтыков-Щедрин и М. А. Антонович) и «Русского Слова» (Г. Е. Благовестов, Д. И. Писарев и В. А. Зайцев) положило выступление в отделе «Современное обозрение» январского 1864 г. номера «Современника» анонимного, хотя и известного, автора внутреннего обозрения «Наша внутренняя жизнь» М. Е. Салтыкова, который заявил о происходящем «понижении тона» в литературной и общественной жизни¹²⁹. По форме, из-за отсутствия возможности говорить открыто, дискуссия касалась, по большей части, литературы, эстетики, философии (трактовки образа Базарова из «Отцов и детей» И. С. Тургенева и Катерины из «Грозы» Н. А. Островского). В этих литературно-философских спорах получили выражение разногласия о готовности русского народа к революции, появившиеся после того, как упования на крестьянское восстание в 1862–1863 гг. не оправдались, а либеральное общество после отмены крепостного права исчерпало свою заинтересованность в революционных демократах¹³⁰. На пассивность народа «Современник» призывал ответить

очередь, «Современник» уже в 1863 г. довольно отчетливо дал понять, что он не одобряет многого в направлении «Русского Слова». В мартовской хронике за 1864 г. Салтыков писал, что и в прошлом году он высказывал свои мнения о позиции «Русского Слова» «с полною откровенностью», хотя и «выражал свою мысль не всегда одинаково рельефно». В январской хронике за 1864 г. Салтыков уже открыто напал на утверждения «Русского Слова», казавшиеся ему сектачеством. Однако при всей саркастичности замечаний Салтыкова противники и здесь не были названы по именам. Более того, речь шла не столько конкретно о «Русском Слове» и его сотрудниках, сколько о круге идей этого журнала, об определенной части молодежи, которую, по мнению сатирика, увлечение подобными идеями приводит к абсурдным выводам. Тем не менее, намеки на сотрудников «Русского Слова» были довольно прозрачны и этот личный момент играл немалую роль в полемике, определенным образом окрашивая ее.

¹²⁹ Салтыков писал о «понижении тона», как характерном признаке времени, ставшем следствием административно-цензурного давления на журналистику и ответной нестойкости либеральной прессы.

¹³⁰ Либеральный журналист В. Ф. Корш (редактор «Петербургских Ведомостей»), характеризуя в начале 1865 г. настроения близких ему кругов, писал: «... с беспримерною злобою мы сокрушали в минувшем году те самые кумиры, пред которыми преклонялись еще так недавно; мы рвали в клочки самих себя, какими мы были еще за три, за два года, и с злобною радостью издавались над своим собственным растерзанным существованием» // С.-Петербургские Ведомости. 1865. № 1, 1 января, стр. 1. А. И. Герцен писал: «Слабые, шаткие, мелкие, робкие уши, — одни от испуга, другие по глупости» (*Левин Ш. М., Батюто А. И. Шестидесятые годы [XIX века] / История русской литературы. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. М.; Л., 1956. С. 48*).

практической в нем работой: хотя бы и малым, но делом, ведущим к пробуждению его самостоятельности и активности в борьбе за свои интересы. «Русское Слово» видело выход из кризиса практических действий в развитии революционной теории, разрабатывая естественно-научные и социально-экономические вопросы. Для редакции «Русского Слова» вопрос о демократическом развитии страны лежал в плоскости решения ее социально-экономических проблем, радикального изменения существующих порядков и построения будущего счастливого общества. Надежды возлагались на развитие науки, на расширение рядов демократической интеллигенции — «мыслящих пролетариев», которые в будущем смогут коренным образом изменить действительность. Осуществление такой перспективы виделось «Русскому Слову» не через либеральные полумеры филантропии и благотворительства. «Либералу — благотворителю собственно нет никакого дела до пострадавших собратий, — утверждалось во внутреннем обзоре — «Домашней летописи», — он сегодня хлопочет о бедном студенте, а завтра собирает на раненных в Польше солдат», — трудящиеся массы могут рассчитывать не на помощь «благотельцев», а на собственные силы¹³¹. О существовании дворянского благотворительства была и повесть Бунакова «Бесовское наваждение», печатавшаяся в «Русском Слове» в 1864 г. Второй этап полемики начал М. А. Антонович публикацией в «Современнике» статьи «Современные романы» (1864 г. № 4), выступивший против неких «критиков-детей», которые восторгались романом Тургенева «Отцы и дети». Ответил ему Писарев статьей «Реалисты» в 9–11 книжках «Русского Слова». В отличие от Антоновича, который характеризовал главного героя романа Базарова, как карикатуру на молодое поколение, Писарев, выдвигая теорию реализма, провозглашал его подлинным представителем передовой части молодого поколения¹³² — «реалистом», будущим руководящим деятелем революции. Обращаясь к роману Чернышевского «Что делать?», Писарев считал, что «наиболее стойким и последовательным реалистом является Рахметов с его титаническим, волевым характером»¹³³.

---

¹³¹ Русское Слово. 1863. № 7. С. 51.

¹³² Рудницкая Е. А. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975. С. 140.

¹³³ Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. М., 2003. С. 226–227; Вартин Л. Э. Журнал «Русское Слово». 1859–1866. Л., 1966. С. 128. «Той и другой стороне казалось, что именно она предлагает верный и единственно возмож-

Бунаков с конца 1864 г., вместе с литературной работой, возобновил знакомство со своими прежними единомышленниками в Петербурге. Он присоединился к кружку гимназического приятеля Лыткина (61), который с 1861 г. был «горячим поклонником Чернышевского» и журнала «Современник» и затем входил в общество «Земля и воля»¹³⁴. Члены его многочисленного кружка придерживались, как писал Бунаков, «самого крайнего образа мыслей», которое господствовало тогда в демократической среде Петербурга (61). Этот «образ мыслей», характерный для направления журнала «Русское Слово», Бунаков сдержанно характеризовал как «стремление к научному знанию и к распространению знаний, стремление к свободе и к освобождению»¹³⁵. «Но беда в том, — писал он, — что скоро этот широкий либерализм приобрел, особенно в кружке Лыткина, крайне деспотические наклонности и замашки: странное и печальное противоречие, которое и было болячкой, язвой, ослаблявшей и этот кружок и вообще тогдашний русский либерализм» (61). По-видимому, из-за цензурных соображений автор в своих воспоминаниях называл революционно-демократическое движение того времени и направление «Современника» и «Русского Слова» «либерализмом», или «широким либерализмом».

Наблюдая публицистические страсти, бушевавшие тогда между «Современником» и «Русским Словом», Бунаков теряет энтузиазм, которым поддерживались его демократические надежды в конце 50-х — начале 60-х гг. Страсти, эскалировавшие в радикально-демократических кругах, стимулировали ослабление поддержки их со стороны либерального общества, вызванное ростом национально-патриотических чувств после подавления польского восстания в 1863 г. По мысли, высказанной Огаревым в конце 1862 г., — «Польша будет побеждена, если раньше времени вос-

---

ный в сложившейся обстановке путь коренного изменения существующего порядка, а противная сторона повернула к либерализму, к реакции. Этим определялись и возникновение полемики, и острота ее. Во время полемики обе стороны высказали много несправедливых обвинений, часто в весьма грубой форме, причины которой лежали в личных недостатках того или иного из ее участников» // *Бозрад М. Э., Рейфман П. С.* Комментарии — М. Е. Салтыков-Щедрин. «Наша общественная жизнь». «Современник», январь 1864 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 6. С. 642.

¹³⁴ Пантелеев А. Ф. Воспоминания. С. 523; ДРДВР. Т. 1. Ч. 2. М., 1928. Стб. 224.

¹³⁵ Надо полагать, кружок Лыткина, в который входил Бунаков, придерживался направления, проводившегося в 1864–1865 гг. «Русским Словом».

станет, и русское движение также будет потоплено в национальной ненависти»¹³⁶.

Приобретя опыт взаимоотношений с радикальной средой Петербурга, Бунаков остро почувствовал «деспотические наклонности и замашки», которые стали господствовать в революционных кружках в середине 60-х гг. У него пропала эйфория от ожидания близкого осуществления демократических преобразований в жизни страны. Его не устраивала нетерпимость, свойственная противоборствующим сторонам революционно-демократического лагеря. Он, ценностями которого были уважение к человеческой личности и ее взглядам, не смог оставаться в кружке Лыткина. Бунаков писал, что его «стало тяготить то нравственное насилие, которое в нем царствовало, его нетерпимость и деспотизм, бесцеремонно налагающий руку на поступки, речи, даже, кажется, на впечатления отдельных личностей». Он «постоянно чувствовал себя здесь под гнетом самого грубого и беспощадного насилия — насилия либерального»¹³⁷, которое душит, давит, обезличивает человека» (62). В начале 1890-х годов в своих «Записках...» Бунаков писал: «Теперь наступило торжество противоположного направления, отовсюду полетели комки грязи, полились ушатами помой на Чернышевского, Добролюбова и всех тех, кто были вождями, пророками, чуть не святыми в 60-х годах. Разница только в том, что мы видели торжество ума, таланта и прямолинейности, а теперь видим торжество глупости, бездарности и прямолинейной подлости, договаривающейся до откровенного требования восстановить крепостное право. Разница, конечно, большая, но эта “торжествующая свинья” может сказать, что своей нетерпимости, своим беспощадным деспотическим замашкам она научилась у своих противников в тяжкие годы своего унижения и невольного смирения» (62). Через 25 лет причину краха надежд молодости он видел в крайнем размежевании, наступившем после 1863 г. между либеральным обществом и революционно-демократическим движением, когда «всё мало-мальски не подходящее под направление» «Современника» и «Русского Слова» «позорилось, оплевывалось, осмеивалось» демократическим обществом¹³⁸.

---

¹³⁶ Левин Ш. М., Батюто А. И. Шестидесятые годы [XIX века] // История русской литературы. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. М.; Л., 1956. С. 46.

¹³⁷ Читай — радикально-демократического.

¹³⁸ Бунаков забывал, что сам относился тогда саркастически к либеральному обществу.

В 1862 г. о том же писал Щедрин в очерке «Капуны», называя революционных демократов, страстно борющихся с инакомыслящими — со сторонниками демократических реформ, «капунами будущего» (или, через несколько лет, — просто «мальчишками») ¹³⁹. Щедрин писал, что «им дела нет до того, что в бесконечной цепи живых существ субъект, которого они сейчас обглодали, быть может, составляет ближайшее звено к ним самим; им нет дела до того, что вся разница между им и ими заключается в том, что он жил деятельной жизнью, а они отдыхали: в том-то и заключается, по мнению их, истинное геройство, чтобы обглодать именно ближайшего соседа, а не уходить куда-нибудь вдаль» ¹⁴⁰.

Разочаровавшись в петербургской революционно-демократической среде, в людях, которых прежде считал «солью земли», в том, что его вдохновляло, Бунаков потерял тягу и к писательскому творчеству. В это же время «скончался» журнал Ф. М. Достоевского «Эпоха» (61), в котором он опубликовал повесть «Наши браконьеры» и рассказ «Ума помраченье» ¹⁴¹.

По воле случая, Бунаков познакомился в Петербурге с преподавателями К. Д. Ушинским и Ф. Ф. Резенером, который руководил в 1864 г. благотворительной школой для бездомных детей на Васильевском острове (63). Они поддержали его прежний интерес к учительству (62) и, в первую очередь, к начальному обучению, которое в дальнейшем стало любимым занятием и призванием Бунакова. В то же время он оставался верен идеям Чернышевского и Добролюбова, идеалам революционной демократии, которым он отдал свою дань в 1861–1865 гг. Когда Резенер передал ему летом 1865 г. преподавание бесплатных уроков младшему сыну Чернышевского — Александру (уроки географии А. Н. Чернышевскому давал Лыткин), Бунаков «с большой охотой принял на себя уроки русского языка сыну любимого писателя». По его мнению, «сын Н. Г. Чернышевского имел право на бесплатные уроки всякого порядочного русского человека, имеющего возможность давать их, потому что велики заслуги этого писателя перед русским

---

¹³⁹ В 1863–1864 гг. происходило «очень резкое углубление демократического мирозерцания сатирика». В хронике «Наша общественная жизнь» он дал «беспощадную характеристику проведенных реформ, как «движения мелочей и подробностей» и критиковал в своем очерковом цикле многие собственные иллюзии. См.: Кузнецов Ф. Ф. Круг Д. И. Писарева. С. 332, 336.

¹⁴⁰ *Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1966. С. 255.*

¹⁴¹ *Эпоха. 1864. № 12.*

обществом и тяжелы были страдания, перенесенные им ни за что, ни про что, падающие несмываемым черным пятном на “Эпоху великих реформ”» (66).

Идейное развитие Бунакова в 1850–1860 гг. проходило в переходную эпоху национальной истории, когда исторические события «разбудили» все слои общества. Патриотические настроения затронули его, когда в 1853 г. он написал стихотворение «Самодержавие». В это же время проявился интерес Бунакова к русскому историческому фольклору («О русских исторических песнях ига монгольского», 1854 г.) и к истории родного края («Вологда в начале 17 века», 1857 г.). После начала учительства в Кадникове, где он особенно увлекся изучением сельского хозяйства и населения Вологодской губернии, стал оформляться круг общественных и профессиональных интересов Бунакова. Целью своей профессиональной деятельности учителя он видит распространение знаний в обществе, а при изучении хозяйства и этнографии Вологодской губернии акцент делает на положении простого народа — крестьянства и городских жителей — мещан. Свойства характера Бунакова: бескомпромиссность и неуживчивость, в соединении с литературной выучкой, привели его к занятию публицистикой. Тематами для обличительных статей служили наблюдения за жизнью вологодского дворянства и чиновничества. Как преподаватель, позитивный смысл своей деятельности он видел в расширении образованности городских слоев общества, о чем он писал в своих статьях. Встав на сторону демократического развития страны и занимаясь литературной работой, Бунаков печатался в прессе разных направлений, кроме охранительного. Тем более, что в те годы граница между демократическими изданиями и противостоящими им не всегда была четко выражена и по отдельным направлениям органы печати были близки друг другу¹⁴². Всех их объединяли надежды на грядущие перемены в жизни России. С начала 60-х гг. Бунаков по своим взглядам тяготел к революционным демократам. В апреле 1862 г. он вступил в вологодский кружок членов тайного общества «Земля и воля», но последующие исторические события определили его положение вне революционного лагеря. К разрыву с революционно-демократическими кругами привел Бунакова так называемый «раскол в нигилистах», когда от-

---

¹⁴² Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. С. 23.

ношения в их среде стали обостряться после ареста Чернышевского и других ведущих деятелей движения, и затем самороспуска общества «Земля и воля» в 1863 г. Со второй половины 60-х гг., под влиянием деятельности в Петербурге учителей Ушинского и Резенера, он вернулся к своему призванию, увлекшись распространением начальной народной грамотности, занятиями с детьми из народа. Достижения Бунакова в преподавательской деятельности были следствием не только его склонности к учительству и результатами практики. Он был незаурядной личностью — демократом и гуманистом, раскрывшим свои качества и способности в эпоху подъема общественного самосознания. Особое влияние на него оказали идеи и публицистика Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, двух выдающихся личностей русского освободительного движения. Особенно он ценил и любил Добролюбова, оплакивая в 1860 г. его преждевременную смерть (57), за выступления в печати по вопросам школьной дисциплины, за борьбу в педагогике против тех, кто защищал применение телесных наказаний в школе¹⁴³.

ОБ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУНАКОВА В ВОРОНЕЖСКОЙ ВОЕННОЙ ГИМНАЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-Х ГОДОВ

Случай определил место учительской службы Бунакова в 1866–1870-х гг. Его брат, управлявший имением князя С. А. Долгорукова в Новохоперском уезде Воронежской губернии, пригласил Николая Федоровича погостить у него и помочь в делах. В августе 1865 г. Н. Ф. Бунаков уехал из Петербурга в Воронежскую губернию и оставался в деревне до начала заморозков, после чего направился в Петербург, с намерением там «искать учительского места». По пути он остановился в Воронеже, где узнал о преобразовании местного кадетского корпуса в военную гимназию и ре-

---

¹⁴³ Н. А. Добролюбов в своих статьях, направленных против ошибок и непоследовательности известного педагога Н. И. Пирогова, в частности в статьях «Все-российские иллюзии, разрушаемые розгами», «От дождя, да в воду», показал антипедагогический характер каких бы то ни было мер физического воздействия на учащихся. Он категорически возражал против применения в воспитании телесных наказаний и других дисциплинарных мер, оскорбляющих детей. См.: *Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова.* М., 1960. С. 15.

шил попытаться найти в ней для себя учительскую работу. Там ему представилась вакансия преподавателя русского языка и словесности. Известный педагог М. Ф. де-Пуле, занимавший эту должность в гимназии, переводился тогда в г. Вильну (66–68). Преподавание в Воронежской военной гимназии Бунаков начал весной 1866 г. и осенью получил уроки русского языка, а затем и словесности в четырех младших классах, которые были доведены им до конца курса¹⁴⁴. С 11 апреля 1868 г. ему присвоили должность «штатного преподавателя» русского языка и словесности. К этому времени Н. Ф. Бунаков имел чин коллежского советника, был кавалером орденов Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Станислава 2-й степени и имел «Бронзовую медаль в память войны 1853–56 гг.»¹⁴⁵. С осени 1868 г. его учеником становится Георгий Плеханов.

Система преподавания Бунакова, выработанная им за предыдущие годы учительства, была направлена на «беспрепятственное развитие способностей воспитанников». По характеристике, данной ему в годы службы в Вологодской гимназии, он, «при прекрасном знании своего предмета и при ясном вразумительном преподавании», умел поддерживать «дисциплину и совершенный порядок в классе интересом преподавания и своим личным одушевлением». По отношению к учащимся Бунаков держался «характера разумно снисходительного и справедливого», соблюдая индивидуальный подход к воспитанникам¹⁴⁶. Преимущество он видел в общеобразовательном и воспитательном обучении перед специальным, предметным. По его мнению, «школа должна поселять в душах своих учеников задатки возвышенных и благотворных идеалов и через своих учеников проводить их в жизнь»¹⁴⁷. Система преподавания Бунакова направлена была на нравственное и патриотическое воспитание учеников. В качестве инструмента такого воспитания он использовал художественные произведения русской литературы, в которых изображались «исторические картины страданий и подвигов русского народа и героических лич-

---

¹⁴⁴ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. 72, 91.

¹⁴⁵ Там же. С. 82; Адрес-календарь лиц и служащих Воронежской губернии по 1 апреля 1877 г. Воронеж, 1877. С. 59.

¹⁴⁶ Гольдина А. М. Учитель учителей: www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&cid=218&pid=165&sub=workabout.

¹⁴⁷ Бунаков Н. Ф. Школьное дело // Бунаков Н. Ф. Избранные педагогические произведения. М., 1953. С. 235.

ностей», знакомя тем самым учеников «с проявлениями и сущностью гражданского чувства, мужества, самопожертвования, бескорыстия, героизма». «Чтобы патриотическое чувство не переходило в нетерпимость и народное тщеславие», ученикам необходимо, по мнению Бунакова, читать художественные произведения, «дающие образы человеколюбия, справедливости и деятельной любви к ближнему»¹⁴⁸. Следуя своей системе обучения, при которой словесность помогала изучению родного языка, Бунаков занятия по русскому языку вел, главным образом, на произведениях отечественной литературы, «проникнутых переживаниями, чаяниями и надеждами народа». Тем самым его ученики могли «не только успешно овладевать устной и письменной речью, но вместе с тем проникались идеалами народной жизни и стремлениями служить этим идеалам»¹⁴⁹.

После нескольких лет службы в военной гимназии, в которой обучение проходило в специфических условиях интерната, Бунаков стал скептически относиться к возможности выработки у своих учеников самостоятельного образа мысли. Он отмечал, что условия жизни в военной гимназии всецело ставили воспитанников в зависимость не только от установленного в ней распорядка и опеки начальства, но и подчиняли влиянию коллектива учащихся. Это обстоятельство замечено на примере Георгия Плеханова, отношение которого к учёбе стало меняться в старших классах, с 1871 г. Первоначальные успехи по всем предметам сменились, по некоторым из них, более скромными результатами. 4-й класс гимназии, где он тогда учился, отличался количеством «неуспевающих» воспитанников. В приказе по гимназии за март 1871 г. указывалось: «В обоих отделениях этого класса половина всего числа воспитанников аттестована неудовлетворительно, по одному или нескольким предметам». Воспитательный совет гимназии констатировал, что «почти целая треть воспитанников состоит из каких-то умственных инвалидов, обленившихся и не умеющих серьезно и самостоятельно заниматься и несколько не радеющих о своем образовании»¹⁵⁰. О плохих знаниях воспитанников воен-

---

¹⁴⁸ Там же. С. 215.

¹⁴⁹ Смирнов В. З. Николай Федорович Бунаков, его жизнь и педагогическая деятельность // Бунаков Н. Ф. Избранные педагогические произведения. М., 1953. С. 31.

¹⁵⁰ Чесноков В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920-е годы // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 38.

ных гимназий сообщали и из военных училищ, куда те переводились по окончании учёбы. По мнению Бунакова, причиной плохой подготовки молодых людей в военных гимназиях был сам характер закрытого учебного заведения, где у воспитанников отсутствовали «способности самоуправления и значительной заботы о самом себе, о своей жизни, о своем образовании, о своем деле, о будущности». Попечительный характер заведения пронизывал, по его мнению, «всю жизнь воспитанника военной гимназии, все его существо»¹⁵¹. Надеясь разбудить самолюбие пансионеров и вызвать у них желание учиться, он на своих уроках обращался к ним со словами: «Ну, куда вам равняться с гимназистами, разве юнкер и студент похожи друг на друга? Вы не способны даже читать умную книгу, не то, что изучать ее»¹⁵². Причину этого Бунаков видел в том, что личность в заведении «остаётся в подневольном положении и совершенно без своего времени». Он писал: «Воспитанник интерната молится, садится за стол, берется за книгу, за умственный труд, занимается искусствами, упражняется гимнастикой, танцует, марширует, — словом сказать, все делает по сигналу, в массе, в определенное время..., но есть в интернате другая сила, которая неумолимо эксплуатирует личность, это сила массы. Рекреационные часы всецело принадлежат ей, ее произволу...»¹⁵³. Бунаков, относившийся «к человеческой личности, как к святыне», признававший за каждым «право на полное всестороннее развитие его душевных сил и свободу убеждений»¹⁵⁴, оказался в трудном положении. Надежда была на то, что среди массы воспитанников, характеризуемых, как он писал, «отсутствием способности к самоуправлению, всегда возможны исключения»¹⁵⁵. К таким исключениям он относился с особым вниманием. В Георгии Плеханове Бунаков «подметил литературное дарование и всячески способствовал развитию его своими советами касательно стилистики, указанием книг для учения, беседами и т. д.». Прочи-

¹⁵¹ Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1870. Книга V. С. 475.

¹⁵² Полевой А. Литературные воспоминания Старика. Посвящается русской учащейся молодежи. Издание газеты «Южная копейка». Киев, 1911. С. 4–5. Цит. по: Березжанский А. С. Плеханов: от народничества — к марксизму. 2-е издание. М., 2006. С. 28.

¹⁵³ Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1870. Книга V. С. 482, 483.

¹⁵⁴ Записки Н. Ф. Бунакова... С. II–III.

¹⁵⁵ Там же. С. 480.

тав одно из сочинений своего незаурядного ученика, Бунаков, сказал ему: «Из Вас, Плеханов, выйдет большой литератор»¹⁵⁶.

На своих занятиях он рассказывал ученикам о современной прозе и поэзии, анализировал содержание литературных произведений с точки зрения их связи с окружающей действительностью. Такой подход был органичен и близок для него, прошедшего школу публициста, писателя, знакомого с общественной и народной жизнью, вращавшегося в революционно-демократических кругах. Тем самым Бунакову удавалось воспитать в своих наиболее нравственно чутких учениках гражданственность и сострадание к трудящемуся народу, пробуждая в них «революционные устремления». О том, что такие юноши были среди воспитанников Воронежской военной гимназии, свидетельствуют воспоминания Плеханова. Он помнил случай с чтением в гимназии Н. А. Некрасова. В произнесенной в Женеве в январе 1903 г. речи, посвященной памяти поэта, вспоминая о своей юности, Плеханов говорил: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили “Железную дорогу”, раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: “Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!”. Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать “Железную дорогу”»¹⁵⁷. Этим приятелем Плеханова, предположительно, был Константин Соловцов, «впоследствии земский деятель, член Новохоперской уездной управы»¹⁵⁸. Гимназию он окон-

¹⁵⁶ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. Хр. 10. Л. 2. Надо думать, что в этом воспоминании жены Плеханова о годах его учебы она пользовалась его рассказами.

¹⁵⁷ Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов (речь) // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. X. М.; Л., 1925. С. 389.

¹⁵⁸ Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии. (По архивным документам) // Каторга и Ссылка. 1929. Книга 61. С. 143. В 1894 г. К. М. Соловцов — член училищного совета Новохоперского уезда Воронежской губернии. См.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Отдел IV-й. Адрес-календарь. С. 89. В 1908–1910 гг. Соловцов Константин Михайлович был гласным от Новохоперского уезда в Воронежском губернском земском собрании // Памятные книжки Воронежской губернии на 1908–1910 гг. Отдел IV-й. Адрес-ка-

чил в 1873 г. по 3-му разряду. По этой причине должен был быть направлен «вольноопределяющимся рядового звания в военную службу»¹⁵⁹. Соловцов не был одаренным учеником, как Плеханов, но в нем жило сочувствие «униженным». Нравственное чувство негодования задавленным и угнетённым положением народа, судя по приведенному воспоминанию, испытывал к концу учебы в военной гимназии и Плеханов.

О роли учителей русского языка и литературы в воспитании молодого поколения в пореформенной России князь Петр Кропоткин писал в своих воспоминаниях: «Западная Европа и, по всей вероятности, Америка не знают этого типа учителя, хорошо известного в России. У нас же нет сколько-нибудь выдающихся деятелей и деятельниц в области литературы и общественной жизни, которые первым толчком к развитию не обязаны были преподавателю словесности. Во всякой школе, всюду должен был быть такой учитель. Один только преподаватель литературы, руководствующий лишь в общих чертах программой и которому предоставлена свобода выполнять ее по своему усмотрению, имеет возможность связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу. В России эта задача, естественно, выпадает на долю преподавателя русской словесности»¹⁶⁰.

лендарь. С. 7. Отец Константина Соловцова — Михаил Александрович, статский советник, с 1869 г. — управляющий в Воронежском Управлении государственных имуществ. С 1874 г. он был членом Воронежского комитета о попечении бедных. См.: Адрес-календарь лиц и служащих Воронежской губернии по 1 апреля 1877 г. Воронеж. 1877. С. 10, 32.

¹⁵⁹ Российский Государственный Архив Социально-политической Истории (РГАСПИ). Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 9, 10.

¹⁶⁰ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С. 112.